

Мы, Библиотека Белинского, уверены, что наши действия по отношению к читателям должны носить ненасильственный характер, быть искусством «управлять не управляя» – малым резонансным воздействием, мягкой ненавязчивой вербовкой. Мы – за диалог читателя, писателя, издателя, библиотекаря.

Наш журнал «Большая Библиотека» – это наш вклад в общее для всех цивилизованных современников дело поддержки чтения.

Дмитрий Коробейников,
директор библиотеки Белинского

Уверен, что журнал «Большая Библиотека» станет настоящей летописью движения вперёд старейшей по количеству прожитых лет, но молодой и прогрессивной по духу и знакомой всем нам с детства библиотеки им. В.Г. Белинского.

Сергей Симаков,
генеральный директор ООО «Баско»

На страницах «Большой Библиотеки» – книги, с которыми можно подолгу говорить, и люди, которых не скучно перечислять. Библиотечная тишина и окна, распахнутые в большой мир.

Валентина Живаева, автор

Большая библиотека – это большой лабиринт со множеством изгибов, закоулков и ходов, по которому можно двигаться бесконечно. Это некоторое ограниченное пространство, расширяющееся внутри – вглубь, вниз, в стороны.

Янина Чиркова, ведущая рубрики «Декор»

ГЛАГОЛ «ЧИТАТЬ» НЕ ТЕРПИТ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Глагол «читать» не терпит повелительного наклонения...

Эту несовместимость он разделяет с некоторыми другими: «любить», «мечтать»... «Люби меня!», «Мечтай!», «Читай!»... Результат? Никакого. Он уснул над книгой. Д. Пеннак

Существует распространенное (среди специалистов) мнение, что чтение в стране находится в состоянии «свободного падения». Что же нам, библиотекарям, делать? В прежние времена было грозное библиотечно-педагогическое оружие — РУКОВОДСТВО ЧТЕНИЕМ. Вряд ли это «ружье» выстрелит сегодня.

Во-первых, неблагополучно, все-таки, только с одной из двух разновидностей чтения — чтением «для жизни» и «для души» (в отличие от «информационного» или «делового»). С «деловым» чтением все более-менее благополучно: пока люди учатся, они вынуждены читать, другого не дано. Во-вторых, все мы, живя в непосредственной близости от ПК и ТВ, сильно изменились. С. Канн называет типичного современника «хомо кликающим». Мы живем, переключая каналы, перепрыгивая с сайта на сайт. Как руководить таким читателем? В-третьих, книга все чаще предстает перед нами как товар, иногда «высшей категории», чаще — второй или третьей. И тогда читательские реакции определяются не книжными, а совсем другими обстоятельствами.

С чтением «для души» всегда было сложно, потому что это «блюдо на троих: для автора, текста и читателя» (А. Розенблат). И вот тут нужна продуктивная библиотечная идея. Нам мешает стереотип отношения к чтению как к сверхсерьезному труду, хотя чтение — это, конечно, труд. Мы редко говорим о радости чтения, о радостном чтении («как хорошо уметь читать!»). Психологи утверждают, что положительные эмоции, душевный комфорт оптимизируют процесс чтения. А попробуйте получить удовольствие, если вам навязывают в библиотеке сюжетно-фабульный — конкретно-исторический — идейно-смысловой — персонажно-личностный — концептуально-авторский — художественно-эстетический — эмоционально-чувственный — рефлексивно-оценочный анализ художественных текстов (взято из реально существующей «методички» для библиотекаря)?!

Уже упомянутый Д. Пеннак в замечательной книжке «Как роман» формулирует 10 неотъемлемых прав читателя. Назову только самые значащие: право молчать о прочитанном ... право перескакивать... право не дочитывать... право перечитывать... право читать что попало... право читать где попало... право читать вслух... право не читать (вот ужас-то!)...

Готовясь к национальному ГОДУ ЧТЕНИЯ в библиотеках (увы, не сложилось в масштабе страны), мы взяли на вооружение этот «билль о правах читателя». Доказательство — проведенный областной Фестиваль библиотечных театров книги, о котором будет рассказано в следующем номере.

В прошлом веке был придуман лозунг: «От маленького писателя — к большому читателю». Его «правильность» доказали, в частности, в Финляндии: финские школьники, большие любители писать сказки, сегодня — читатели-дети № 1 в мире. Как писать, чтобы тебя читали? Мы постараемся выяснить и это. А пока предоставили всем желающим возможность попробовать свои силы: объявлен конкурс «Подражания» для реальных и виртуальных читателей нашей библиотеки, условия — на сайте Белинки по адресу: <http://book.uraic.ru>. Итоги конкурса будут подведены в июне, лучшие работы — опубликованы.

Будем жить — будем читать! И тогда осуществится заветная мечта каждого библиотекаря: «чтоб не елось ему (читателю!), не спАлось, чтоб читалось ему и читалось».

*Надежда Сергеевна Сулимова,
заместитель директора библиотеки им. В. Г. Белинского, читатель и библиотекарь*

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗНАЕТ

Жизнь Игоря Сахновского в литературе производит впечатление головокружительной легкости. Кажется, всё приходит к нему само и каждый новый успех тянет за собой новые возможности. Толстый журнал №1 с ходу публикует дебютный роман поэта из Екатеринбурга. Как будто только и исключительно для него учреждают премию, которая так больше и не была никому присуждена. Известный режиссер, входивший в жюри этой премии, предлагает сотрудничество и спустя три года охотно берется за экранизацию нового романа. Обе книги прозы выпущены крупнейшим российским издательством. Международная премия. Переводы на европейские языки. Книга в знаменитом французском издательстве. Месяц жизни в шотландском замке... Настороженность коллег и восторженные письма от читателей. Понятно, что за всем этим – годы напряженной работы. Однако автор не рассказывает о своих трудностях и не демонстрирует шрамы. Конечно, хорошие манеры писателю к лицу. Но любят не за это. А за чудо проникновения куда-то в самую сладкую сердцевину жизни, за счастливое предчувствие праздника, за свежесть и нежность. За легкость. Он говорит: «Ничего не бойся» – и незаметно перенастраивает тебе даже не взгляд, а дыхание. О чем его спрашивать, если он обо всем написал? Но я попробовала. Хотя к его ответам пришлось придумать новые вопросы, а потом сократить их до коротких подзаголовков.

ОБ ОПАСНОСТИ ЗАНЯТИЙ ЛИТЕРАТУРОЙ

Я работал в одной конторе. А время было такое, советское еще время, когда все массово читали толстые журналы. И вот приходит журнал с новым романом, кажется, Трифонова. Я был вторым на очереди, а первой была тетенька, которая читала ужасающе долго, месяц, наверное. Наконец она приносит. Я спрашиваю, понравилось ли, и она с искренним таким огорчением отвечает: «Нет, к сожалению, совсем нет!» Я унес журнал и дома обнаружил, что он даже не разрезан... Ну и ладно, подумаешь, ничего страшного – просто не успела прочесть. Меня другое заинтересовало: почему она именно так ответила, а не наоборот? Оказывается, для большинства людей сказать, что им не понравилось, что, дескать, фигня, – безопаснее и даже выгоднее. Тогда окружающие подумают: о, какие у него высокие требования! А если человек говорит: «Да, здорово!», он сильно рискует, он подставляется, потому что обнажает свой вкусовой «потолок».

А больше всех рискует и подставляется тот, кто пишет. В стихах автор еще может как-то одеться и замаскироваться. А в прозе он голый. В прозе он подставляется совершенно убийственно.

О КРИТИКАХ

Есть целое племя людей, живущих за счет того, что другие подставляются. Одни – просто равнодушные, для них это повод остеречь и сплетничать. А другие – критики в широком смысле, которые просто питаются за счет того, что для других является единственной жизнью. Кто-то живет,

Игорь Фёдорович Сахновский, писатель

а кто-то об этом говорит. Я не о себе, мне-то грех жаловаться на критиков, но я сталкиваюсь с этим очень часто. И мне хочется сказать: если кто-то рискует голым идти по проволоке, и падать, и разбиваться, то будь ему хотя бы благодарен за то, что он может дать. Не торопись убивать его за то, чего он дать не может.

*...Ты рад был всему свету говорить:
«Она живет — и никуда не деться!»
Она живет. Но — страшно повторить —
Так разлюбил, как выронил младенца.
Таких разлук природа не прощает.
— Что ей до нас? Она чужда обид...
Но пылкий август на глазах нищает,
Черствеет воздух, улицу знобит.
Что делать с тайной? Как нам уберечь
Тень нежности в тисках дневного света?
Понять, но полюбить (о том и речь).
Понять, но полюбить — другого нету.*
(Стихи разных лет / / Урал. 2001. №10)

О СТРАННЫХ СБЛИЖЕНИЯХ

Есть критика чересчур комплиментарная. Например, в связи с книгой «Счастливы и безумцы» меня уподобляли Бунину, Цвейгу. Одна щедрая рецензентка даже написала, что вот, типа, его называют «русским Боккаччо», а Боккаччо-то так не умел! От таких слов чувствуешь себя как-то неловко, хочется голову под стол засунуть. Было еще высказывание, которое показалось мне любопытным, и я его запомнил: о романе «Насущные нужды умерших» один критик сказал, что это «Пруст, опрокинутый в советскую бытовуху». Пруст для меня — величина постоянная, и это было в каком-то смысле лестно.

НОВЫЙ МИР	
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ	
Издаётся с января 1925 г.	№ 9(893) Сентябрь, 1999 г.
СОДЕРЖАНИЕ	
ИГОРЬ САХНОВСКИЙ — Насущные нужды умерших. Хроника	5
ЮРИЙ КУБАНОВСКИЙ — Ссылка времени, стихи	61
АНДРЕЙ ВОЛОС — Сиреньские розы, повесть	66
СЕРГЕЙ НОВИКОВ — Сиреньская вода, стихи	98
НАТАЛЬЯ АРИШИНА — Это Пушкин в России всегда виноват, стихи	100
НАТАН ЗЛОТНИКОВ — Красновишневские строфы, стихи	103
СЕРГЕЙ ЗАЛЫГИН — После инфаркта, рассказ	105
ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА	
АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА — Паки экономикана, или Эпизод истории. Размышления у дверей третьего тысячелетия	118
ДАЛЕКОЕ БЛИЗКОЕ	
ИГОРЬ ДЕЛКОВ — «А в твоем саду: книга света не будет...». Из дневниковых записей 1981 — 1982 годов. Публикации и примечания Т. Ф. Делковой	136
ОПЫТЫ	
МИХАИЛ ЗОЛОТОНОВ, НИКОЛАЙ КОНОНОВ — З/К, или Високосная. Проза Губинская. Неоднородность смысла: шутка	163
СЕРГЕЙ БОРОВИКОВ — В русском жарге. Над страницами «Войны и мира»	176
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
СВЕТЛАНА СЕМЕНОВА — Два полуса русского экзистенциального сознания. Проза Георгия Иванова и Владимира Набокова-Сирин	183
РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ	
Евгений Ермолин. Закладка	206
Ольга Славникова. Обитаемый остров	212
Дмитрий Дмитриев. «Живые портреты» Натальи Бинки	216
С. Мадиевский. Почему Холокост?	219
(См. на обороте)	
МОСКВА 1999	

КАК ПОНРАВИТЬСЯ

Я не знаю. Есть авторы, которые, наверно, всё бы отдали, чтобы знать, на какие клавиши для этого следует нажимать. Мне они неизвестны. У меня есть простой и тупой принцип — мне самому должна нравиться эта фраза, этот абзац, этот кусок. Я его от себя не отпущу, пока он не будет меня полностью устраивать. Других «клавиш» я не знаю.

О ПРИЯТНОМ

Самое приятное — это когда вещь закончена. Это такое состояние чудесное, хотя и сопровождается оно звонкой пустотой. Для меня писательство до сих пор остается занятием частным, приватным, я продолжаю считать его своим личным делом. И вот самое радостное и удивительное — когда чужой, неизвестный мне человек говорит, что это написано о нем.

КАК ПИШУТСЯ СТИХИ (ПЕРВЫЙ ОПЫТ ШЕСТИЛЕТНЕГО СОЧИНИТЕЛЯ)

Воздух был таким вкусным, что его хотелось есть кусками, но оставалась неясная необходимость оглядки... Возможно, этим раздвоением и было подсказано слово «свежесть», недомашиное, чужое, которое Сидельников произнес вполголоса дважды, будто попробовал на вкус языком и губами светлую жесть водостока. На слово «свежесть» внятно откликалось другое, недавно прозвучавшее в комнате и словно бы желающее найти себе пару. Слезая на пол, он чуть не свалился с подоконника под грузом воспоминательных усилий. Но стоило ему снова сесть на табуретку, повернуться лицом к столу — и звук повторился сам: «Нежности, — сказал Иннокентий, — очень мало нежности».

Стихотворение явилось легко и внезапно, как если бы оно существовало всегда и только поджидало удобного момента, чтобы потрясти самого сочинителя. Потрясение и впрямь было нешуточным. Сидельников носился по комнате как угорелый, повторяя свое произведение на все лады, с многозначительными интонациями. Вот его полный текст:

Возле форточки пахнет свежестью.

В сорок лет мало нежности.

Ничего более впечатляющего он просто никогда не слышал.

(«Насущные нужды умерших»)

О ЖАНРАХ

Я долгое время хотел писать прозу, но никак не мог решиться, потому что не понимал, как ее пишут. Меня очень обнадежило, что самую первую «сознательную» прозу взяли в «Новый мир». На свою беду, я дал роману подзаголовок — «хроника». Для меня было принципиально важным это соприкосновение мистического названия «Насущные нужды умерших» и почти «документального» подзаголовка. Но это создало определенные трудности для причисления к конкретному жанру. Роман? Или повесть, как ее назвали в книге? Сегодня вообще мало кто знает, что такое роман. И кому это надо, кроме Букеровского жюри?

Впрочем, какая-то надежда у инспекторши оставалась. Уже не домогаясь ничьей фамилии, она задала вопрос, прозвучавший лебединой песнью:

— Но ведь у вас с ней роман? Скажи честно: роман?

Он впал в добросовестное раздумье, в частности о свойствах литературных жанров. Вопрос был не из легких.

— Нет, — сказал наконец Сидельников, — у нас, наверно, повесть.

(«Насущные нужды умерших»)

КАК ПИСАТЬ ПРОЗУ

Прозу профессиональнее, правильнее писать периодами — абзацами или страницами. Я работаю медленно, неправильно и очень трудно — я пишу словами. Человек, пишущий стихи серьезно (а я долго не писал ничего, кроме стихов), привыкает ставить слово к слову, он знает, что слова радиоактивны. Слова, оказываясь рядом, влияют друг на друга и создают новую реальность. А в прозе столько слов... Но я по-прежнему пишу словами.

Уже в городе они посидели за пластиковым столиком уличного кафе позади хвостатого Юрия Долгорукого. Вокруг было так людно, что каждый в отдельности был практически невидим. Пользуясь этим, она извлекла ноги из высоких туфель и сложила на колени Локтеву, отчего ему стало горячо и тесно. Узкие белые ступни с маленькими луками изгибов уместались в ладонях. Разговор шел примерно в таком духе: «Что скажете, доктор Локтев? Какой диагноз?» — «Дайте посмотреть... На фоне полного хронического совершенства только один приличный дефект. Вот тут». — «Вон там??» — «Вот здесь». — «Мне щекотно и не видно. Покажи!» Он нагнулся к ее левой ступне и поцеловал поперечную морицинку в нежной впадине возле пятки.

(«Незаконный рассказ о любви»)

О ЧЕМ СПРАШИВАЮТ

Нет, про «Русский Декамерон» не спрашивают — это в 2003 году прошла большая волна интервью, а теперь вопросами уже не досаждают. Любят спрашивать, насколько вещь документальна. *Насколько автобиографична.* Какое-то время я отвечал — ну, на сорок, допустим, процентов. Потом... Довлатов говорил такую наглаую фразу, что он пишет «псевдодокументальную» прозу, а я теперь тупо и честно отвечаю, что пишу документальную прозу.

О ДОКУМЕНТАЛЬНОСТИ

Между прочим, шутки шутками, но можно взять новую вещь, «Человек, который знал всё», и проверить ее на предмет фактологии. Я даже не говорю о характерах, а там выведены совершенно конкретные люди, — но там и топография вся абсолютно точная, ничего не соврано. Допустим, этот маршрут от собора Санта-Кроче до Кампанилы и Санта-Мария дель Фьоре, а затем до моста Понте Веккио — абсолютно точный, как и хронометраж. И я рискну признаться, что этот роман — документальная вещь, которая более или менее удачно маскирует свою документальность.

Его новый роман построен по законам триллера, но это еще и история любви. Герой обретает способность видеть всё — происходит ли это за углом дома или за тысячи километров. Воспользоваться его даром стремятся многие: женщины, бандиты и даже иностранные спецслужбы. Но «маленький человек» продолжает жить по своим собственным законам.»

(из издательской аннотации к роману «Человек, который знал всё»)

О ФАНТАСТИКЕ

Я не большой любитель фантастики. Можно сказать, равнодушен к ней. Еще будучи очень молодым человеком, я не залюбил раннего Гоголя и «Мастера и Маргариту» (сейчас продолжаю не любить, но уже по-другому). Если позволите, сам себя процитирую, для большей ясности: «Я пообещал себе не впадать в соблазн сочинительства, во всяком случае, не придумывать обстоятельства, покуда живые, невыдуманные, которые, впрочем, и выдумать-то невозможно, словно бедные

родственники, столько времени топчутся в прихожей, ожидая, когда на них обратят внимание».

Реальные, невыдуманные обстоятельства в тысячу раз интереснее, фантастичнее, прекраснее и страшнее, чем любая фантазия, которую ты можешь высосать из пальца. Я сталкиваюсь в жизни с такими сюжетами, которые просто невозможно придумать.

Дело в том, что однажды уже тринадцатилетний Сидельников удосужился-таки написать роман. Это фантастическое (по жанру) произведение объемом в две трети общей тетради создавалось без отрыва от места учебы в седьмом классе средней школы, то есть непосредственно на уроках. В романе решалась жгучая проблема борьбы советских космонавтов с космическими пиратами в условиях взрыва сверхновой звезды. Называлось не иначе как «Затерянные во Вселенной».

(«Насущные нужды умерших»)

О КОРНЕВЫХ СЮЖЕТАХ

Но, не любя фантастику, я страшно ценю некоторые фантастические вещи, где автору удалось нащупать (не скажу: создать) **корневой** сюжет. Пример такого корневого сюжета — «Человек-невидимка». Я не знаю, кому он принадлежит. Трудно, почти бессмысленно приписывать кому-то авторство сюжета — их всего-то от силы шестнадцать, и почти любой оказывается модификацией уже известного. Это сюжет практически вечный. Его будут переодевать, трактовать, экранизировать еще очень долго.

И я смею думать, что в «Человеке, который знал всё» мне удалось нащупать **корневой** сюжет. Мне показалось интересным испытать его на человеке заурядном, даже ничтожном. Эта обретенная способность не приводит его ни к чему сверхчеловеческому. Он остается частным человеком, но нет ничего интереснее, чем частный человек, который не вписывается ни в какие программы.

О ПРАВДЕ И ДОСТОВЕРНОСТИ

В мировой литературе очень много текстов, написанных от первого лица, причем «я» — главный герой, как водится. В «Человеке» противоположный принцип: я ввел реального «себя» в качестве **второстепенного** персонажа, невольного участника, который даже не очень-то симпатизирует герою, но который зато не даст соврать. Это для меня очень важно. Его отношение к герою меняется, ему уже интересно, что там дальше будет с Безукладниковым. Там гораздо больше реального, чем может показаться. Я не очень люблю слово «правда» применительно к литературе... Понимаете, человек может написать совершенно фантастическую вещь и совершенно реалистическую — но и там, и тут он может дурачить читателя, а может и не дурачить. Дело не в правде, а скорее в достоверности. Именно достоверность, а не правдоподобие и не жизнеподобие.

Роман должен начинаться словами: «Денег не было ни на что. Даже на сигареты». И чтобы на 12-й странице главный герой дважды или трижды заваривал в чашке один и тот же чайный пакетик. И чтобы на 28-й странице он вываливал из сумки на кухонный пол 700 000 наличных долларов. А на 54-й — дарил южно-африканские изумруды одной ослепительно лживой блондинке на одном закрытом курорте во Французской Полинезии.

И чтобы его ни грамма не напрягали ни этот нищенский, спитый чай, ни эти безумные доллары, которые он просто мысленно «заказывает» в пространстве, — хоть на 190-й странице, хоть на 211-й, хоть прямо сейчас. Тем более что это реальный, симпатичный мне человек.

(«Вещество свободы»)

ОБ ЭКРАНИЗАЦИЯХ

По-моему, для литератора кино — это в первую очередь заработок. Один из каналов популяризации своей вещи. При том, что я понимаю: это будет уже совсем другая вещь, не моя. Если она не отвлекает внимание от книги, а привлекает к ней, можно только радоваться. Книга всегда сильнее, чем экранизация. Ну, возьмем недавний, самый заметный пример — «Парфюмер». Или более классический — «Лолита». Обе ее экранизации были очень неплохие. Более того, ту, первую, одобрил Набоков. Но рядом с романом это все равно и рядом не стояло, мы же понимаем. Благодаря экранизациям какие-то вещи глубже вошли в культурный, так сказать, контекст. Хотя в принципе, я думаю, это более примитивное искусство, чем литература.

Поначалу он будет здесь маяться от безделья, дико скучать по книгам и вообще по любому чтиву, пока не сделает приятное открытие, что, оказывается, для чтения книг совсем не обязательно иметь их в наличии. Таким образом, лежа на спине либо прогуливаясь по неизбежным квадратным метрам запертого второго этажа, он проглотит четыре романа Кнута Гамсуна, полные собрания Акутагавы и Ронины, какие-то жутко таинственные свитки Гермеса Трисмегиста (это имя он назвал мне чуть ли не шепотом), «Случайности» Фламариона, Малую энциклопедию самоубийств, справочник практического врача и «Охотников за жирафами» Майн Рида.

(«Человек, который знал всё»)

О НАБЕКОВЕ КАК ПОЭТЕ

«Дар» — одна из очень немногих книг, где показан сам процесс поэтического творчества. Мог бы это сделать плохой поэт? Нет, конечно. Но я бы так сказал: Набоков — поэт более сильный, чем его стихи.

ОБ АКТЕРСТВЕ

Мне много раз говорили самые разные люди, что мои тексты абсолютно кинематографичны. Ну, наверно, это хорошо. Хотя я совершенно не «киношный» человек. И совсем не актер. У меня было такое заблуждение в ранней юности, когда я поступал в театральный институт. Но это скорее

был поиск себя. Сейчас мне понятно, что литератор и актер — не просто разные, а взаимоисключающие профессии. Актерство для писателя — это скорее плохо.

Тогда она снимает кольцо с пальца и кладет мне в руку. Что, по идее, должно означать смертельный разрыв. Хотя рубашку не снимает. Правильно, молодец. Так и будем теперь поступать.

Я размахиваюсь и со всей силой швыряю кольцо в проем балконной двери — в солнце, в листву, с высоты шестого этажа.

Золотая пуля дзинькает алмазной гранью в один из редких прутьев балконной решетки и рикошетом выстреливает назад — в меня. Получи, фашист, гранату.

Тут она молча берет кольцо с пола и снова надевает на палец.

(«Ревнивый бог случайностей»)

ОБ ОТНОШЕНИИ К ЧИТАТЕЛЮ

Терпеть не могу демонстративных «гениев» и расчетливых «безумцев», которые говорят *«Мне наплевать на читателя, я пишу как мне Бог велит»*. Даже такой, простите, сноб (в больших, конечно, кавычках), как Бродский, говорил, что занимательность — это доблесть. Дobleсть — уметь рассказать историю, рассказать чистым, доступным, понятным, человеческим языком. Занимательность вещи — это еще и вежливость со стороны автора. Этого сегодня не умеет почти никто. Рисоваться, становиться в нестандартную позу, из всех сил оригинальничать — это банально само по себе и каждому под силу.

И еще один момент. Автор, конечно, может переживать какие угодно трагедии, депрессии и прочее. Он может считать свои страдания драгоценными и уникальными. Но если уж он решается выйти на публику, к читателю, то он должен это делать с ясным, неискаженным лицом. Я не вправе «грузить» кого-то собственными тяжестями — у людей и своих тягот хватает.

КАК ПЕРЕЧИТЫВАТЬ СЕБЯ

У меня нет перед глазами какого-то реального читателя. Но, конечно, я слегка рефлексирую, пытаюсь представить, насколько это читабельно. Не могу сказать, что я глубоко этим озабочен. Просто, написав фразу, я ее перечитываю на предмет легкости восприятия, понятности, прозрачности. Наверно, я бы мог согласиться с популярной позицией: *«Пишу книги, которые хочу читать сам»*. Но я не перечитываю себя целиком практически никогда. Поводом для перечитывания может стать, например, корректура. Или когда интересный мне человек или дорогой мне человек что-то говорит о моей вещи, и мне хочется перечитать себя его глазами. Но вообще самому себя читать — как-то немного смешно.

Мне однажды ночью довелось читать английский перевод своего романа, и я вдруг поймал себя на том, что, читая, беззвучно то смеюсь, то почти плачу. Это был какой-то совсем новый для меня текст, по-своему смешной и трогательный. Но точно не чужой.

Я видел, как после одной крепленой, высокоградусной ночи Шнайдер спал на тихом сентябрьском пляже, по-детски откинув тяжелую красную руку землекопа, и ему на тощее плечо, как на вересковый куст, легко и безбоязненно села трясогузка.

Между тем принципиальное шнайдеровское безволие не отменяло совершения поступков. В том-то и фокус, что совершал он их непрерывно. И, независимо от мотивов — будь то не-трезвая придурь закадычных дегустаторов или прихоть залетной очаровательницы, — буквально все, что делал в своей жизни Гена Шнайдер, по меркам обыденного сознания, было абсолютно бесполезно — и абсолютно потрясающе.

(«Принцип Шнайдера»)

О ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

Наверно, это своего рода болезнь или какой-то «экстенсивный» путь развития». Но я не могу охладеть к путешествиям. Причем получается так, что я как бы «подсаживаюсь» на конкретную страну и езжу туда по несколько раз. Так у меня было, например, с Великобританией, которую очень люблю. Впервые поехал за границу, в Египет, в 97-м году, а теперь для меня это просто любимая жаркая деревня у моря, где меня уже узнают. Путешествия — это такое расширение сознания, возможность почувствовать, что ты живешь в мире, ощутить себя иностранцем, не только «на людей посмотреть», но и на самого себя со стороны. После Флоренции я, кстати, совсем по-другому увидел фильм «Ганнибал»...

Терпение конвоя было частично поощрено тем, что гуляющий Безукладников почти не задержался на площади Синьории — только полюбовался на серую зубчатую башню знаменитого палаццо, обогнул толпу возбужденных фанатов Давида и по-дурацки улыбнулся бронзовому Персею, поднявшему, как вымпел, голову Медузы Горгоны с идеальной перманентной завивкой...

Второй нервный момент настал в узком проулке — на Виа делло Студио, где абсолютно ничего не произошло, но русский внезапно охнул и остановился. Никто не понял, что случилось. А он просто увидел, как в тесном просвете между домами выросло громадное белоснежное тело Санта-Мария дель Фьоре под неоглядным красным куполом. (Безукладников так опишет мне свое потрясение: «Как будто шел по коридору из кухни в прихожую — и вдруг обнаружил себя у подножия кита!»)

(«Человек, который знал всё»)

О ПРАВИЛЬНО УСТРОЕННОЙ ЖИЗНИ

Хотелось бы самостоятельно снова поехать в Италию. Придумать свой маршрут и пожить дней 10–15, никуда не торопясь. Прекрасная, сумасшедшая страна. Правда, итальянскую кухню я не понял. Русскому человеку трудно согласиться с тем, что макароны — это не гарнир, а самостоятельное, чуть ли не главное блюдо. Зато кофе у них лучший в мире. И не только кофе.

Еще Англия, которая, можно сказать, стала частью души. Чему мы могли бы поучиться у англичан — это самодостаточности. И непринужденнос-

ти, без фамильярности и панибратства. В самый первый день в Лондоне я наблюдал в пабе такую сцену. Двое пожилых людей (им суммарно было, наверно, лет 160!), абсолютно поглощенных друг другом. Они так пылко целовались, просто с ума сходили друг по другу, можно сказать, были почти на грани секса. И — самое главное — они при этом никому не мешали, и им никто не смел помешать! И когда ты это видишь, ты понимаешь: абсолютно всё вокруг — полиция, государство, армия, законы — существует только для того, чтобы защитить и обеспечить вот эту частную жизнь, ее неприкосновенность. Потому что ничего более важного и драгоценного в мире не существует.

Валентина Живаева

Понятно, что победить мировую пошлость, в принципе, невозможно, но выправить свою собственную — это даже не доблесть, а нормальная человеческая гигиена. Не питаться подножным кормом, не глотать с готовностью то, что сыплется из популярных отстойников, соблюдать дистанцию между собой и собою же. Наконец, просто уметь выслушивать тишину и самого себя.

Ведь буквально все, что мы хотим знать о своем настоящем, прошлом и будущем, — в нас уже присутствует. Более того, оно страстно желает быть услышанным.

(«Человек, который знал всё»)

Сахновский И. **Взгляд** / Сахновский И. Свердловск : Сред-Урал. кн. изд-во, 1988. 78 с.

Сахновский И. **Лучшие дни** / Сахновский И. М. : Молодая гвардия, 1988. 126 с.

Сахновский И. **Насущные нужды умерших** / Сахновский И. // Новый мир. 1999. № 9. С. 5–60.

Марченко А. И тени их качались на пороге... / Марченко А. — Рец. на повесть: Сахновский И. «Насущные нужды умерших» // Новый мир. 1999. № 9 // Литературная газета. 1999. 29 сент. — 5 окт.

Мещеряков В. Под диктовку любви и печали : [о дебюте среднеурал. поэта И. Сахновского в «Новом мире»] / Мещеряков В. // Уральский рабочий. 1999. 22 окт.

Сахновский И. **Стихи разных лет** / Сахновский И. // Урал. 2001. № 10. С. 124–131.

Сахновский И. «Дождь нам припомнил все, что мог»; «И осень была золотая вполне»; «Когда умирает звезда, разрываясь, как сердце» : [и др. стихи] / Сахновский И. // Екатеринбург : антология поэзии. Екатеринбург, 2003. С. 604–609.

Сахновский И. **Два рассказа** / И. Сахновский // Знамя. 2003. № 3. С. 6–17. Содерж.: Принцип Шнайдера; Нелегальный рассказ о любви.

Сахновский И. **Счастливы и безумцы** : рассказы // Октябрь. 2003. № 7. С. 53–81. Содерж.: Если ты жив; Мы сами не здешние; Бахчисарайская роза; Супер; Супер-2; Ревнивый бог случайностей.

Сахновский И. **Счастливы и безумцы** : повесть и рассказы. М. : Вагриус, 2005. 352 с.

Генрих, Ксения. Умирая от нежности и желания / Ксения Генрих. — Рец. на кн.: Сахновский И. Счастливы и безумцы. М. : Вагриус, 2005 // Урал. 2006. № 1. С. 255–256.

Крестина М. Светлые аллеи / М. Крестина. — Рец. на кн. : Сахновский И. Счастливы и безумцы. М. : Вагриус, 2005 // Октябрь. 2006. № 3. С. 182–184.

Шевелев И. Любить по-русски / Игорь Шевелев — Рец. на кн. : Сахновский И. Счастливы и безумцы. М. : Вагриус, 2005 // Новое время. 2005. № 30. С. 43.

Сахновский И. **Человек, который знал все**. М. : Вагриус, 2007.

Рублева Ю. За что Игорь Сахновский получил Гран-при «Русского Декамерона»? / Рублева Ю. // Урал. 2004. № 6. С. 252–255.

Сахновский И. «Свобода как умение совпасть» / Сахновский И. Беседу вела Е. Соловьева // Вечерние ведомости из Екатеринбурга. 2002. 16 сент. С. 3 : фот.

Сахновский И. «Литература должна быть вкусной» : Интервью с писателем / Сахновский И. // Эксперт-Урал. 2002. № 19. С. 28, 30.

О ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ ОТДЕЛА РЕДКИХ КНИГ

Когда решили в 1995 году создать Отдел редких книг, то даже представить не могли, какой это будет грандиозный труд. Весь дореволюционный фонд был растворен в основном фонде. Сначала выделили книги и периодику до 1917 года – путем сплошного просмотра. Просто ходили по фонду и вылавливали книги. Вынимали, носили вверх и вниз, сортировали, расставляли, протирали – казалось, этому утомительному, монотонному труду не будет конца. Трудно даже представить масштаб и объем проделанной работы. Выделили художественный фонд. Потом из всей массы дореволюционной литературы были отобраны собственно редкие книги. И только после этого можно было говорить об изучении фонда.

*Елена Павловна Пирогова,
заведующая отделом
редких книг
и дореволюционных изданий*

ОТДЕЛ РЕДКИХ КНИГ СЕГОДНЯ

Сейчас фонд Отдела редких книг – около 100 тысяч единиц хранения, из них примерно 60 тысяч книг и 40 тысяч периодики. За 11 лет библиотека им. В. Г. Белинского состоялась как безусловный лидер в исследовании редкой книги. Наш опыт, по словам Елены Павловны Пироговой, известного историка и заведующей Отделом редких книг, чрезвычайно востребован. На нас, без всякого преувеличения, равняются. Надо сказать, что мы удачно вписались в Национальную программу сохранения библиотечных фондов, одна из подпрограмм посвящена книжным памятникам. Библиотека вошла в сферу государственной политики.

ЧТО ХРАНИТСЯ В ОТДЕЛЕ РЕДКИХ КНИГ

«Отдел РЕДКИХ книг» – название не совсем точное. Здесь хранятся не только редкие книги. Редкой книгой или книжным памятником сегодня считается книга либо рукописная, либо относящаяся к периоду ручного пресса – до 1830 года. Это первый, самый очевидный повод отнести книгу к редкостям. Дальше на первый план выходят не хронологические, а социально-ценностные категории. Можно, например, говорить о книгах, изданных в исторически важные моменты и являющиеся их отражением. Сюда же часто относят прижизненные издания классиков, крупных ученых и т. д.

ЧЕМ МЫ МОЖЕМ ГОРДИТЬСЯ

Выдающихся книжных памятников в Белинке немного. Мы не можем, подобно университетской библиотеке, похвастаться изданиями Ивана Федорова, дофедоровскими раритетами или Часовником, экземпляров которого по всему миру шесть. Нет у нас и книжных памятников в виде коллекций. Таковой является фонд Императорского Царскосельского лицея, хранящийся в УрГУ. Но мы, подчеркивает Е. П. Пирогова, вправе говорить о редких изданиях на уровне экземпляра. От всего тиража какой-либо книги по истечении времени остается когда 30 %, когда 10 %. И каждый сохранившийся экземпляр – это история. Книжные знаки, записи, печати, наличие индивидуальных сведений о книге, ее передвижениях, следы бытования книги, свидетельства ее неповторимости – все это действительно имеет огромную ценность для исследователя. Да, в

Белинке хранятся книги из библиотеки Демидовых, добротные издания XVIII века, ничем особенно не примечательные, имеющиеся во многих больших библиотеках, но только у нас есть книги с собственноручными записями Никиты Акинфиевича Демидова. Оставили свои пометки и другие представители знаменитого рода — Анатолий и Павел Демидовы. По этим знакам, заметкам мы можем проследить вехи жизни, черты личности, приметы времени, и это на самом деле уникальная возможность.

Подробнее: Пирогова Е. П. *Библиотеки Демидовых : Книги и судьбы.* — Екатеринбург: Сократ, 2000.

КНИГА КАК ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Вот одна из удивительных книжных историй, рассказанных Е. П. Пироговой: «Был обнаружен Месяцеслов, без титульного листа, издание приблизительно 1834 года. На чистых листах таких книг, среди сведений о свя-тых, праздниках и подобных общезначимых событиях, члены семьи отмечали вехи, важные для их рода: смерти, рождения, свадьбы. Вчитавшись в рукописные записи этой книги, я погрузилась в почти вековую историю семьи шадринских священников Архипповых (именно так, с двумя «п») — с 30-х годов XIX века по 20-е годы века XX. Любопытно, кстати, что в этой

*Кенсорин

рус. [из греч. *Kēnsōrinos*,
лат. *Censorinus* : *ensorius*
цензорский, строгий;
в обязанности римского
цензора входила оценка
имущества граждан, от-
дача на откуп государст-
венных доходов, надзор за
нравственностью граж-
дан и за общественными
зданиями];
традиц. Цензорин.

семье повторялось крайне редкое имя Кенсорин.* По этим достаточно лаконичным записям я составила родословную схему пяти поколений Архипповых. Конечно, здесь огромное поле для дальнейших исследований и поисков. И захватывающее начало уже положено. Сообщение об этой истории на очередной родоведческой конференции вызвало большой интерес. И так случилось, что в Ялutorовске (там хранится страховой фонд Государственного исторического архива) вскоре обнаружилось дело одного из этих Архипповых. В мемуарной литературе есть упоминание, что в 1838 году в шадринском Спасо-Преображенском соборе была отслужена панихида по Пушкину. Вторая во всей России! Очевидно, в связи с этим и было заведено дело на теперь уже “нашего” Архиппова».

ФОНД КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Книги неинтересны только до тех пор, пока мы о них ничего не знаем. Надо сказать, что примерно две трети книжного фонда Отдела редких книг могут поведать нам свою историю. Сейчас осуществляется фронтальный просмотр фонда на предмет выявления всех книжных знаков без исключения — экслибрисов, вариантов экслибрисов, суперэклибрисов, штампов, тиснений на корешке, записей, ярлыков. На сегодня около двух тысяч таких знаков. Это не просто описательный акт: здесь присутствует важный исторический и культурный смысл. Важно, по словам Елены Павловны, показать на примере исследования наших книг ценность фонда как нового вида исторического источника.

Штамп на книгах
из библиотеки Сан-Дonato

Штамп на книгах
библиотеки
Василья Васильевича
Простосердова из Камышлова

КНИГА – ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ

Вот книги из библиотеки В. и Г. Казанцевых. Это купеческая семья, хозяин которой был золотопромышленником и членом Городской Думы, а его супруга — актрисой и библиофилом. За скромными заметками на полях — сведения об известной екатеринбургской семье и целый пласт культуры. Мы бережно храним остатки библиотеки дворянского рода Голубцовых, владевших имением Александровское в Красноуфимском уезде. Это было превосходное книжное собрание, составлявшее около 10 тысяч книг, очень качественное, умно подобранное, содержавшее редкие краеведческие издания. Книги — прекрасный повод вспомнить о семье, о людях высокой культуры, коллекционерах, благотворителях, общественных деятелях. Глава семьи Владимир Владимирович (к слову, это сочетание имени и отчества переходило из поколения в поколение) был, кроме того, и соавтором, наряду с В. В. Руммелем, «Родословного сборника русских дворянских фамилий», вышедшего в 1886 году.

Подробнее: Пирогова Е. П. *Уральские помещики Голубцовы и их родовая библиотека // Книжные собрания российской провинции : проблемы реконструкции : сб. науч. тр. Екатеринбург, 1994. С. 211—242.*

Но эти люди нам хотя бы известны. А вот о Василье Васильевиче Простосердове мы пока знаем только то, что он был жителем Камышлова. В одной книге было обнаружено три разных экслибриса. Два из них, где фигурируют буквы «А» и «Ш», были первоначально приписаны Александру Дмитриевичу Шереметеву, человеку известному. Затем оказалось, что один принадлежит некоему Андрею Степановичу Шихову, о котором

Экслибрис (от лат. *ex libris* «из книг») – книжный знак, наклеиваемый владельцами библиотек на книгу, преимущественно на внутреннюю сторону переплета.

Обычно на экслибрисе обозначены имя и фамилия владельца и рисунок, лаконично и образно говорящий о профессии, интересах или о составе библиотеки владельца. Родиной экслибриса считают Германию, где он появился вскоре после изобретения книгопечатания. В России экслибрис появился при Петре I.

Простейший экслибрис представляет собой бумажный ярлык с именем владельца книги (иногда в сочетании с девизом или эмблемой). Художественные экслибрисы представляют собой произведения печатной графики. Они создаются различными техниками гравюры – гравятся на меди, дереве или линолеуме, выполняются цинкографским или литографским способом. Среди авторов художественных экслибрисов можно назвать таких выдающихся художников, как Альбрехт Дюрер, В. А. Фаворский, и многих других.

Среди художественных экслибрисов различают

- **гербовые**, которые воспроизводят герб владельца и характерны главным образом для XVI–XVIII веков;
- **вензелевые** с орнаментально разработанными инициалами владельца;
- **сюжетные**, которые стали наиболее популярными в XX веке и представляют собой изображения пейзажей, архитектурных мотивов, различных эмблем, образно отражающих вкусы, интересы и пристрастия, профессию владельца библиотеки.

ничего не известно. И третий свидетельствовал о пребывании этого издания в библиотеке купца и общественного деятеля Логинова. Одна и та же книга в разное время принадлежала трем разным персонам. Разве не любопытно проследить — через архивы и другие источники — пути и причины передвижения этой книги?

МИССИЯ

Исторические катаклизмы XX века стали потрясением для всей России, но для Урала они были настоящей культурной катастрофой. Это можно сравнить с ямой, куда провалилось то, что накапливалось долгими годами кропотливой работы, собирательства, труда. В Москве и Петрограде создавался Государственный книжный фонд, где концентрировались национализированные книжные собрания, велись картотеки, создавались описания и откуда, наконец, они перераспределялись по учреждениям и организациям страны (так, в частности, университет получил Лицейскую библиотеку). Крупные, значительные библиотеки удалось сохранить относительно целными. Здесь, на Урале, были прекрасные книжные собрания, но они практически все погибли. Книги просто вычищались из домов, оставленных владельцами, свозились на санях по нескольким городским складам и сдавались туда на вес. Можно представить, как они содержались и сколько всего там погибло. Именно оттуда отбирались книги для государственных библиотек и учреждений, и библиотека им. В. Г. Белинского, как крупнейшая, имела преимущество. Поэтому в наших фондах осело так много литературы из тех растерзанных книжных собраний — личных и общественных. Именно по нашим фондам можно изучать утраченную книжную культуру Урала, попытаться восстановить преемственность поколений. Построить мост через ту пропасть, в которой сгинуло так много бесценного наследия наших предков.

РАЗВЕДЧИКИ И ШПИОНЫ

Книжная выставка

2 марта — 30 апреля 2007

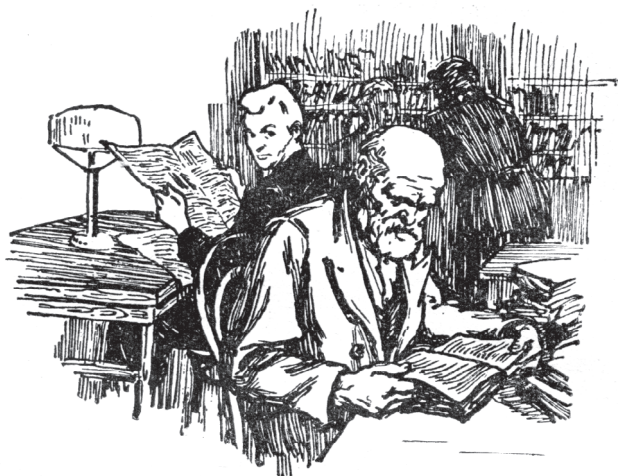
Например, ты — поклонник Джеймса Бонда и знаешь наизусть его фильмографию. А я смотрю в седьмой раз «Семнадцать мгновений весны», и мне не скучно. Один с упоением читает «Наш человек в Гаване», другой — «Щит и меч», почти всерьез. Третий безусловно предпочитает пародии на жанр типа «Бриллиантовой руки» или «Правдивой лжи». Четвертый презирует все эти придумки, но не откажется почитать мемуары — от Павла Судоплатова до Лоренса Аравийского. Мало найдется людей, совсем уж равнодушных к шпионскому жанру, этим разрешенным сказкам для взрослых, внутри которых каждый может почувствовать себя всемогущим, всезнающим, просто другим. Кто-то не доиграл в детстве, кому-то важны конкретные знания об эпохе, событиях, людях — но и тот, и другой найдет там то, что ищет. В рамках этой темы мы задумали две выставки. В 2008 году исполняется 100 лет Яну Флемингу, «отцу» Бонда, — и это будет выставка об «их» шпионах. В этом году мы предлагаем выставку о разведчиках, то есть, о «наших шпионах», а в качестве стержня выбрали 100-летие со дня рождения Зои Воскресенской. Кому-то объяснений не потребуется, но для большинства, наверное, не будет лишней информация о том, что хорошая детская писательница в первой своей жизни была профессионалом-разведчиком и в отставку ушла в звании полковника. Да, а еще в юности Зоя Ивановна какое-то время работала библиотекарем. Удивительно ли, что она показалась нам особенно близким человеком? И потом, женское присутствие всему придает человеческое измерение. Нас интересовала не история советской внешней разведки, а истории людей, которые в этой разведке работали. А больше всего — книги о людях, реальных и вымышленных (которые подчас даже более реальны). Как их сегодня читать, эти книги? Какие акценты мы можем расставить? И кому это будет интересно? Нам показалось, что многим. Ведь любой хороший читатель — немножко шпион, который умеет слушать, вслушиваться, услышать, который хочет докопаться до главного, до того, что автор пытался от него скрыть, до зерна истины, укрытого порой в шелухе пустых слов.

КНИЖКИ С ВЫСТАВКИ

Валерий Аграновский. **Профессия — иностранец.** — М.: Правда, 1989.

О разведчике Кононе Молодом, или Гордоне Лонсдейле. Легендарный человек, западающий в воображение навсегда, денди и бизнесмен, знаток китайского, советский резидент в Англии, герой «Мертвого сезона», блестящий неудачник: попался, рано умер. Есть еще одна книжка, беллетризованная (степень участия в ее создании самого героя мне не очень ясна), начинающаяся словами: «Меня зовут Лонсдейл. Гордон Лонсдейл». Намек

— Я тоже это заметил. Вообще непонятный какой-то старик. Не совсем нормальный, по-моему.

Николай Томан. Что происходит в тишине

понятен, да? Сам же Молодой говорил так: «Мы не сверхчеловеки; агент 007 сугубо литературен, а потому нежизнеспособен. Разве можно разведчику эдак торчать? Он должен быть мышью за веником, потому что вся его сила в незаметности и в его помощниках, которые таскают ему в норку информацию». Впрочем, он говорил не только это (еще больше скрыл), и быть «мышью за веником» у него не получилось.

В электронном и дополненном виде читайте книгу по адресу: <http://lib.align.ru/book/win/113.html>.

Георгий Брянцев. По тонкому льду. — М.: Воениздат, 1961.

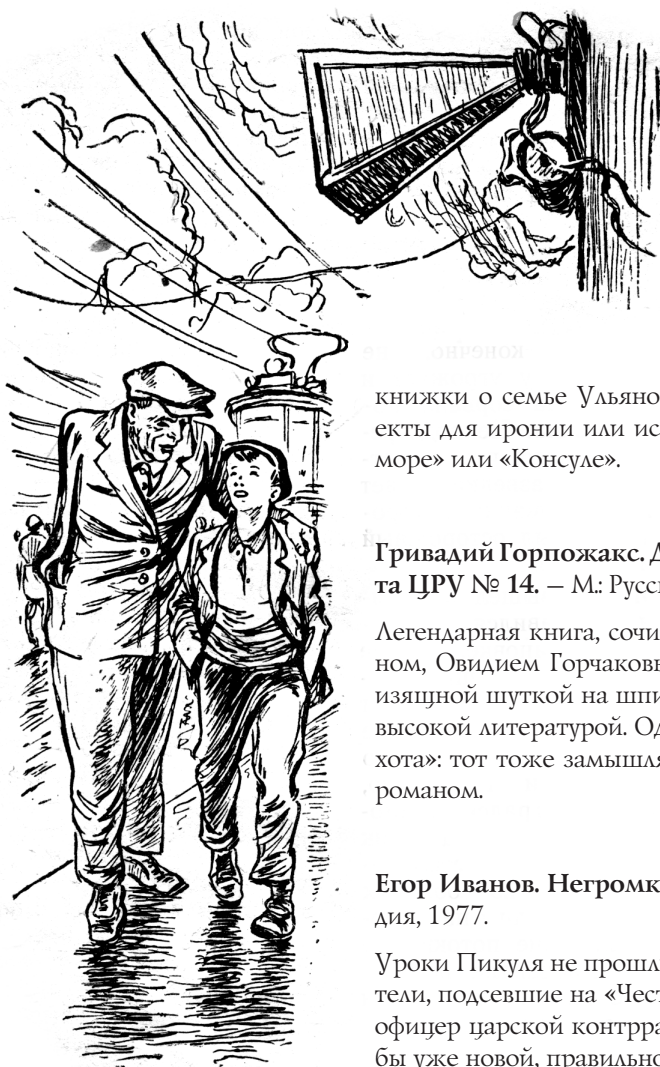
Последняя повесть заслуженного чекиста, автора «Клинка эмира» и «Конца «осинового гнезда». Действие начинается в 1938 году и заканчивается незадолго до Победы. Довольно изощренное построение: две части — это записки двух друзей, двух коллег, Андрея Трапезникова и Дмитрия Брагина. Помимо жестокой борьбы с врагом, здесь много бытовых подробностей, размышлений, неожиданно много отношений разного рода. Очень типичное для жанра название, с привкусом опасности, многозначительное, но совершенно не обязанное как-то обыгрываться в самом тексте. Так же, например, скроено «По светлomu следу» Николая Томана (еще один популярный в свое время автор, пришедший в литературу из органов безопасности). Прочитав на обложке: «Звезды падают в августе» или «Чайки возвращаются к берегу», можно почти не сомневаться, о чем это. Отдельная интересная тема.

Зоя Воскресенская. Теперь я могу сказать правду: Из воспоминаний разведчицы. — М.: Республика, 1993.

Зоя Ивановна (по коллеге-мужу и по работе она «Рыбкина») рассказала не всю свою историю в разведке, но самые, наверное, драматические, важные моменты. До войны она была заместителем резидента в Финляндии, во время войны работала в Швеции, дружила, можно сказать, с Александрой Коллонтай, много и по-своему видела — как в силу профессиональной необходимости, так и по самому складу личности. И личность ее вызывает искреннюю симпатию. Неслучайно все-таки она стала потом писать для детей. Есть в ней настоящий интерес к людям, желание понимать и быть понятой, бережное, чуть ли не нежное отношение к читателю. Даже ее

На вокзале в Альбукерке ФБР организовало тщательную проверку пассажиров и их багажа, что объяснялось жестким режимом секретности, введенным властями США вокруг атомных объектов. Леонтина не растерялась. Сделав вид, что ищет билет, она сунула проверяющему коробку с салфетками, в которой были спрятаны полученные документы, и предъявила билет. Ответив на вопросы агента ФБР, разведчица направилась в вагон, как бы забыв о коробке, которую ей возвратили без проверки.

Леонтина Тереза
Коэн // Сайт службы
внешней разведки России.
[http://svr.gov.ru/history/
kol.html](http://svr.gov.ru/history/kol.html)

Не подозревал он и того, что советская контрразведка знает о его пребывании в городе, но он был осторожный и хитрый враг.

Герман Матвеев. Зеленые цепочки

книжки о семье Ульяновых нравятся как-то по-хорошему, не как объекты для иронии или исследования. Не говоря уж о «Девочке в бурном море» или «Консуле».

Гривадий Горпожакс. Джин Грин — неприкасаемый: Карьера агента ЦРУ № 14. — М.: Русский язык, 1972.

Легендарная книга, сочиненная тремя писателями: Григорием Поженяном, Овидием Горчаковым и Василием Аксеновым. Это могло бы быть изящной шуткой на шпионскую тему, если бы не стало невзначай еще и высокой литературой. Один человек объяснил мне на примере «Дон Кихота»: тот тоже замышлялся как пародия, а стал последним рыцарским романом.

Егор Иванов. Негромкий выстрел: Роман-хроника. — М.: Мол. гвардия, 1977.

Уроки Пикуля не прошли даром для позднесоветских писателей. И читатели, подсевшие на «Честь имею», хотели новых романов, где шикарный офицер царской контрразведки переходил на сторону народа и помогал бы уже новой, правильной власти ловить врагов родины. Роман Иванова, продолженный еще двумя книгами («Вместе с Россией» и «Честь и долг») — из этого ряда. История полковника Генерального штаба царской армии Алексея Соколова, разворачивающаяся на фоне бурных событий 1912—1918 годов, вполне увлекательна и пишу для ума тоже дает. Есть много других подобных книг. Еще один излюбленный сюжет — об эмигранте, который приходит к сотрудничеству с разведкой после цепи заблуждений и метаний.

Герман Матвеев. Зеленые цепочки. — М.: Детгиз, 1945

Трилогия, которую многие помнят по своему советскому детству. После «Зеленых цепочек» были еще «Тайная схватка» и «Тарантул». О приключениях бдительных пацанов, помогающих во время войны ленинградским чекистам. По крайней мере, психологически это достаточно убедительно.

Можно точно назвать момент, когда произошел поворот. Это — 1962 год. Можно назвать имя инициатора этого поворота: Вилли Фишер, он же Рудольф Абель. Его роль в реабилитации разведки не меньше, чем Лоуренса. Человек, который при аресте спокойно произнес: «Я — полковник Красной Армии Рудольф Абель и требую, чтобы со мной обращались как с таковым, согласно конвенции о военнопленных», — впервые в мировой истории приравнял профессию разведчика к профессии воина.

В. Шубинский. Неразлучные понятия. Русская интеллигенция и тайные службы // «Октябрь». 2001. №8. <http://magazines.russ.ru/october/2001/8/shub.html>

Смешивая очередную порцию коньяка с боржомом, Эдмонсон рассматривал Роггльса.

Виктор Михайлов.

Бумеранг не возвращается

Неслучайно Молодой-Лонсдейл считал, что дети по природе своей лучшие контрразведчики. Здесь всё всерьез, по-деловому, всё, как у больших. Нет ни жалостливых интонаций, ни снисходительности, и это поневоле располагает к тексту.

Виктор Михайлов. Бумеранг не возвращается. — М.: Воениздат, 1958.

Одна из самых популярных книжек в жанре. Квинтэссенция шпионской литературы времен холодной войны, со всеми ее штампами, точными приметами странного времени, психологическими, бытовыми, кулинарными, алкогольными подробностями. «Смешивая очередную порцию коньяка с боржомом — эта смесь напоминала ему виски-соду». Всё уже интересно и вновь — как они ведут себя в театральном буфете, какие именно цветы дарят девушке в первой стадии романа (альпийские фиалки и темно-красную персидскую сирень), кого из американских писателей читают (Драйзера, кого же еще?). Украшение романа — любовная линия, представленная образцовой дочерью советского ученого Машей и Патриком, американским оборотнем-журналистом.

Леонид Млечин. Особая папка СВР. — М.: Изд-во Эксмо, Яуза, 2003.

В последние годы появляется очень много книг о внешней разведке, тайных операциях, секретных разработках. Чуть ли не каждое крупное издательство выпускает свою специальную серию: «Люди особого назначения» («Нева») или «Незримый фронт» («Эксмо»). Мемуары, исторические исследования, беллетристика. Очень редко они хорошо написаны, и книга Млечина на этом фоне, пожалуй, не худшая. В основном это рассказы о людях, руководивших советской и российской службой внешней разведки —

В придачу ко всему в 1967-м КГБ возглавил Андропов, любивший кино про шпионов, как дитя малое. Родина стала начинаться со славянского шкафа, ошибки резидента, восточного коридора и транссибирского экспресса. Хмурых и несентиментальных людей играли самые интеллигентные советские актеры: Тихонов, Соломин и Банионис. На роль Штирлица даже пробовался прим читающей публики Смоктуновский, однако со своими воспаленными глазами он слишком походил на настоящего разведчика, чтобы терпеть демографическую активность своей радистки.

Денис Горелов. Золотому юбилею картины и ЦРУ посвящается. Не волчий зуб, так лисий хвост. <http://gridassov.livejournal.com/13086.html#cutid1>

Едва успев отойти от пивной, он услышал звук вновь отворяемой двери и топотливые шаги за своею спиной...

Николай Шпанов. Ученик чародея

от самого первого Якова Давтяна до нынешнего Сергея Лебедева. Много нового и совершенно новых имен: я, например, из всех знала только Артузова и Примакова. Понятно, что истории таких людей не могут не быть одновременно историей разведки и страны. Элементы беллетристики почти не раздражают. Познавательные очерки о профессионалах и дилетантах «войны невидимок», от Мата Хари до Рихарда Зорге.

Лев Овалов. Голубой ангел. — М.: Ad Marginem, 2004.

Бесспорная классика жанра. Один из самых стильных текстов Льва Овалова, одна из самых красивых побед майора Пронина — так, во всяком случае, считают знатоки. Иван Николаевич, как никогда, похож на Холмса — образом жизни (своя миссис Хадсон — экономка Агаша), манерой ведения дела (ни в чем как бы не участвует, но держит все под контролем). Книжка издана в серии «Атлантида» издательства «Ad Marginem» (с комментарием А. Замостьянова), но разве можно сравнить это с чтением в журнале «Огонек» за весну-лето 41 года? Портрет славного майора на обложке. Выразительные иллюстрации Л. Бродаты. Повседневные события и радости, культурные новости («Сердца четырех»), зарубежные чудачества («Клуб некрасивых» в Чикаго); если «Дневник войны» — то войны

В СССР надо работать осторожно. Не вздумайте предлагать русским деньги. Вы рискуете получить в морду. Русских надо просить. Просите, и вам дадут. Например, вы знакомитесь в ресторане с директором военного завода. Не дай бог совать ему взятку. Вы обнимаете директора за плечи и после третьей рюмки говорите тихо и задумчиво: «Вова, не в службу, а в дружбу, набросай мне на салфетке план твоего учреждения».

Сергей Довлатов. Ослик должен быть худым — пародия на шпионский роман, опубликованная в газете «Новый американец»

в Африке, нейтрально, спокойно, не без иронии в адрес будущих союзников (одна из британских газет, видите ли, помещает сообщения своего «постоянного астролога» о положении на фронтах), рельефные карты, стрелки, портреты. Мы наблюдаем. Думаем, что у нас есть время. Еще в 17-м номере рекламируют крем ЮНО, а в 18-м, за 25 июня — уже всё, вот оно, и это поражает, как молния. «Голубого ангела» читатели «Огонька» так и не дочитали.

Эссе Арсения Замостьянова о майоре Пронине и Льве Овалове, о временах и нравах читайте на сайте автора по адресу: http://anguium.narod.ru/major_Pronin.html

Виктор Попов. Советник королевы — суперагент Кремля. — М.: ТОО «Новина», 1995.

Грамотная, внятная книга об одном из членов «непотопляемой кембриджской пятерки», сотрудничавшей с советской внешней разведкой на идейной основе. Кима Филби знают все, сэра Антони Фредерика Бланта — немногие. Очень интересный, во многом загадочный человек, работавший исключительно эффективно. От него, например, были получены сведения о секретных переговорах Англии и США с гитлеровской Германией в 1943–1944 годах. Рафинированный искусствовед, сотрудник британской контрразведки МИ-5, родственник королевы Елизаветы, — никакие громкие разоблачения не помешали ему умереть спокойно, дома и с чистой совестью. Автор книги — бывший посол в Великобритании.

Юлиан Семенов. Пароль не нужен. — М.: Сов. писатель, 1966.

Про этого автора и его главного героя даже говорить глупо. Корифей жанра и разведчик № 1, супершпион, супермужчина, «наш ответ Джеймсу Бонду». Во-первых, интересно, как всё начиналось (20-е годы, Дальний Восток, «он» еще просто «Владимиров»), интересно проверить, выдерживает ли эта проза испытание временем, кинематографом, позднейшими

Кто бы ни скрывался за вычурным псевдонимом Еремеев-Высочин, тонкости работы в разведке он явно изучал не по книгам Йена Флеминга. Сюжеты, в пересказе кажущиеся поджеембондовски завиральными, в действительности вызывают интуитивное доверие даже у самого скептически настроенного читателя: слишком уж много в обоих романах фактуры и деталей, выдумать которые «человеку с улицы» было бы нелегко.

*Галина Юзефович.
Нестыдный патриотизм — о современных шпионских романах Николая Еремеева-Высочина
Эксперт. 2007 №3.*

*Есть жесткий и мудрый правитель,
Философ, спортсмен, полиглот.
Униженным — освободитель,
А всем оскорбленным — оплот.
Крадется, как тигр, по паркету
В дворце неприступном своем.
Предателей кличет к ответу
И хмурится грозным лицом.
Краснеют враги, как креветки,
Летят, словно карты, чины.
Он был офицером разведки,
А стал президентом страны...*

Александр Дельфинов. Он был офицером разведки // Новая Юность. 2005. № 5

Неудобный русский не вписывался ни в какую программу, поскольку жил только по своей внутренней. Например, он терпеливо, с рассеянным видом выслушивал тщательно заготовленные вопросы стратегического назначения, а потом вдруг интересовался: «Вот вы в субботу фильм с Джеймсом Бондом смотрели... Вы же любите Джеймса Бонда. А Шона Коннери терпеть не можете. Почему??» В находчиво огрызнулся: «Зачем спрашивать, если и так все знаешь!» В иные дни русский выказывал желание сообщить нечто экстремально серьезное, при этом искренне волновался: якобы от его слов зависят жизни людей...

Игорь Сахновский. Человек, который знал всё – герой романа, маленький человек с большими способностями, становится объектом повышенного внимания спецслужб и играет с ними на равных

наслоениями и мифами. Во-вторых, книга просто на диво хорошо, изобретательно издана, начиная с плакатов Владимира Лебедева на обложке, заканчивая шрифтами, заставками, остроумно воспроизведенными рекламными текстами, афишами и объявлениями. Здесь еще есть элемент игры и какой-то неуловимой иронии. «Не могу влюбиться, Феликс Эдмундович, потому что моей профессии противна любовь к женщине. Она расслабляет». Следом, встык, реклама фильма «Она поклялась любить только военных».

Павел Судоплатов. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998.

Воспоминания человека, которого называют «гением террора» и «рыцарем сталинской эпохи». Во время войны Павел Анатольевич был начальником четвертого (разведывательно-диверсионного) управления НКВД–НКГБ. Можно себе представить, сколько прошло через него и сколько всего он знал. Да всё практически. Информация из самых первых рук, возможно, пристрастная и личностно окрашенная, но очень и очень серьезная. Без этих сведений сегодня не обходится ни историк, ни беллетрист. После смерти Сталина он, как «человек Берии», пятнадцать лет отсидел в тюрьме. Был реабилитирован в 1992-м году. Захватывающее чтение, умный, трезвый, сильный, очень интересный человек, в котором, как любят говорить о таких людях, с необычайной полнотой отразились страна и время.

Владимир Чиков. Русские нелегалы в США. — М.: Изд-во Эксмо, 2003.

Несмотря на обобщающее название, эта книга посвящена одной теме — истории создания (или похищения, кто как говорит) советской атомной бомбы. История уже, казалось бы, давняя, но совершенно не теряет актуальности и многих из нас до сих пор заставляет терять самообладание. Вспомним хотя бы не такие давние споры вокруг экранизации солженицынского романа, когда слова «И все равно он предатель» произносились совершенно разными людьми. История атомной бомбы — повод рассказать об очень ярких персонажах, потому что в дело «Энормоз» были вовле-

чены все силы, все ресурсы. Суперагент-атомщик Клаус Фукс и советский разведчик Александр Феклисов, великий Вильям Фишер, он же Рудольф Абель, супруги Розенберги и супруги Коэны — идеалисты и прагматики, жертвы и победители. Целая галерея образов и много качественно новой информации, вплоть до копий уникальных документов.

Лев Шейнин. Военная тайна. — М.: Сов. писатель, 1955.

Одна из первых и классических книг жанра (первый вариант вышел еще до войны), которую и по сей день можно читать не без интереса. Есть интрига, которая не расползается, есть добротный язык и любопытные наблюдения. Есть неожиданные излишества, вроде вставной новеллы о рыбной ловле в ночь на 22 июня. Задушевные разговоры. *«И знаете что? Давайте дадим друг другу слово — после войны встретиться у меня. На Чистых прудах. Там я живу. Я сварю вам горячий глинтвейн, черный кофе, сыграю Шопена, я немного играю... Будем сидеть всю ночь».* Это знаменитый изобретатель, сын паровозного машиниста, беседует с оберегающим его майором НКВД. В более поздних изданиях глинтвейн пропадает.

Николай Шпанов. Война невидимок. — М.: Сов. Россия, 1958.

Шпанов — один из наиболее плодовитых и темпераментных послевоенных писателей. Названия его книг говорят сами за себя: «Заговорщики», «Поджигатели», а размеры поражают воображение: девятьсот страниц для него отнюдь не предел. Биография у Шпанова была насыщенной, он много чего перепробовал, летал, путешествовал, и это придает его даже топорно-пропагандистским книгам и познавательность, и довольно плотную жизненную основу, и какое-то диковатое (антикварное?) обаяние. До войны Шпанов прославился книгой «Первый удар (повесть о будущей войне)». Во время войны выходили маленькие книжечки про тайны и приключения профессора Бураго, а в «Войне невидимок» они все объединены, дополнены, развиты. Заключительная беседа двух чекистов — старого и молодого: *«Вы будете вести секретную войну, войну невидимок, не затихающую даже тогда, когда народы наслаждаются миром».*

Валентина Живаева

«По-моему, он что-то тут бросил», — вспоминал милиционер, убеждая себя, что здесь произошла не просто случайная встреча.

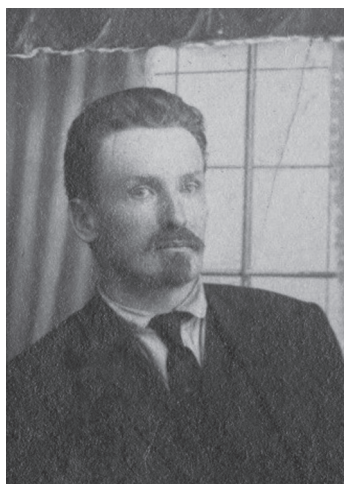
Иван Цацулин. Атомная крепость

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА: ВЯЧЕСЛАВ ПЕТРОВИЧ ЧЕКИН, ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ ЖУРНАЛИСТ, ПИСАТЕЛЬ, ФЕЛЬЕТОНИСТ

Эта история начиналась для меня с настойчивых попыток отыскать в отделе краеведческой литературы Белинки на страницах пожелтевших екатеринбургских газет 10-х годов XX века за короткими строчками хроник, сейчас уже старых новостей, отчетов и репортажей «необщее выражение» Екатеринбурга давно прошедших лет, его быт, голоса обывателей, шум улиц... И постепенно чужие страницы заговорили, и не просто заговорили, а засмеялись, загомонили, иронически ухмыльнулись и лукаво подмигнули. И сквозь туман времени стал проступать Город, «знакомый незнакомец», удивляя и радуя новой встречей.

Вячеслав Петрович Чекин

Знаете ли вы Екатеринбург летом?

Нет! Вы не знаете Екатеринбург летом.

Даже поздней весной не знаете вы Екатеринбург!

Конечно, если сами не живете в столице Урала, а судите о ней издали, по описаниям и рассказам уральских патриотов.

Послушаешь такого заядлого потомственного уральца где-нибудь в Самаре, в Нижнем и диву даешься:

— Есть же в России такие благословенные уголки!

Впрочем, преувеличивают не одни уральцы:

— Разверните какой-нибудь многотомный словарь — нет лучше города на популярную букву «е», чем Екатеринбург: климат — южная Швейцария. Окрестности — и Швейцария в подметки не годится.

В гигиеническом отношении — счастливая Аркадия: никаких болезней, кроме насморка, да и тот в самых легких формах.

По культурности — Европа, да еще 96-й пробы: на каждый десяток детей приходится одно низшее, на каждую сотню — среднее учебное заведение.

Достопримечательностей не перечтешь: пруды, «облицованные гранитом»; собственный маленький горный полуминистр; председатели судов со звучными фамилиями, напоминающими полумифические эпохи древней истории; чугунные памятники; целые скелеты мамонтов в образцовых музеях.

То есть прямо — если бы в Европе читали русские издания энциклопедических словарей, в Екатеринбурге не было бы отбоя от туристов и, рядом с Американской, появилась бы еще Английская гостиница, переполненная чопорными «лэди» и клетчатými «джентльменами» с биноклями через плечо, с «Бедекерами» в руках.

Эти строки написаны Вячеславом Петровичем Чекиным, журналистом, поэтом, драматургом. В 1910-х годах он был приглашен в Екатеринбург

«для укрепления» редакции газеты «Уральский край», в которой работали замечательные энтузиасты, но, к сожалению, было мало профессионалов. Чекин к тому времени был хорошо известен в журналистской среде, работал в приволжских газетных изданиях. Вышла у него и книга под названием «Без названия», были публикации в центральных газетах.

Диапазон его профессиональной деятельности весьма широк: он делает обзоры театральных и литературных новинок, культурной жизни города, публикует стихи и драмы, а самое главное — на протяжении почти десяти лет на страницах екатеринбургских газет печатает фельетоны под псевдонимами Никто-не, Еноткин, В. Чь, одна из основных тем которых — Екатеринбург.

Он изображает жителей города, освещает важнейшие события, негодует по поводу плохого благоустройства и нравов, радуется культурным нововведениям, хвалит, укоряет, воспитывает... Фантазия автора неистощима, в его фельетонах разговаривают памятники царской четы на плотине, свинья пишет жалобу в городскую управу, а муза Мельпомена — отчет на Олимп о строительстве в Екатеринбурге городского театра. А все для того, чтобы снова и снова показать этот город во всех его ипостасях.

Посещая по твоему повелению, о божественный, города древней Скифии, а ныне России, я заглянула в столицу Урала, носящую варварское название (которое не сумел бы сделать благозвучным даже сам великий Гомер) Екатеринбург.

В царстве мрачных сосновых лесов и гор, часто превосходящих размерами наш прекрасный Олимп, стоит этот город.

Бог Эол любит его: он нередко пронесится по широким пустынным улицам, опутанный неприглядными тучами пыли, нахмурившись и чихая, как сто рабочих быков, случайно понюхавших из табакерки благословенного Юпитера.

Люди, населяющие Екатеринбург, по преданию, произошли из камней, набросанных на берега соседнего Шарташского озера. Они крепки, упорны и грубы, как старые, проросшие лишаями уральские камни.

Вокруг города нет ни цветов, ни певчих птиц. Речь населения напоминает сталкивающиеся круглые булыжники, остроумие — осколки вековых сосновых пней, глубокомыслие — то запутанные тропинки бесконечных лесов, то старые заброшенные шахты, вырытые мозолистыми руками безграмотных диких старателей.

Жизнь фельетониста явно нелегка. В каждый номер он должен давать материал, который, несомненно, ждут читатели, и эти публикации должны быть занимательны, чтобы не наскучить, и остры, ибо задача автора ясна: исправить косные нравы, сделать жизнь города лучше и чище. Яростно борется он с недостатками, используя для этого даже события, казалось бы, далекие от городской повседневности. На приезд в Екатеринбург в 1913 году норвежского исследователя Арктики Фритьофа Нансена Чекин откликается восторженными стихами «Современный викинг», которые завершаются словами:

*Точно вершина горы снеговая,
Фритъофа Нансена труд мировой;
Словно гигант, через бездны шагая,
Он человека ведет за собой.
Знания факел в руках исполина,
Светит он с севера миру всему.
Нансена жизнь вся — геройства картина.
С низким поклоном привет наш ему!*

Но в то же время приезд отважного путешественника наводит автора на любимые мысли о «горном рельефе» Екатеринбурга и вызывает к жизни фельетон «Путешествие Фритъофа Нансена по екатеринбургским улицам». Вот несколько его отрывков:

Когда Нансен отправлялся в последнюю экспедицию, друзья, знакомые с Россией, говорили ему:

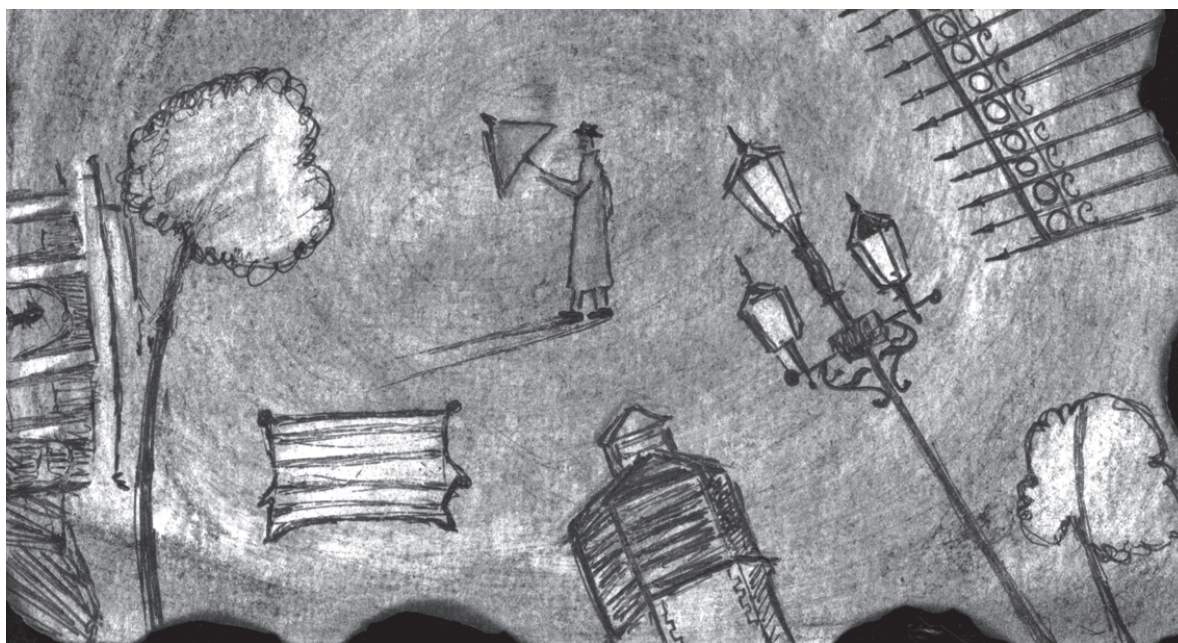
— Слушай, Фритъоф! Ты должен беречь себя не только для нас, не только для родины, а для науки всего мира. Запомни наши советы: не ешь на русских банкетах «истинно русских кушаний», никогда не оставайся с глазу на глаз с «истинно русскими людьми», не езди с пьяными сибирскими извозчиками, а главное, если тебе придется быть на Урале, не ходи пешком по екатеринбургским улицам и тротуарам не только вечером, но даже и днем.

Знакомым вторили дети Нансена:

— Папа! Не ходи по екатеринбургским улицам!

Жена:

— Фритъоф, не ходи, ради меня и детей!

Нансен сперва улыбался, а потом начал слегка сердиться:

— Я еще понимаю (сужу по газетам) страх перед русской кухней, русскими извозчиками и русскими черносотенцами, но боязнь улиц центра, «столицы» целой русской области для меня совершенно непонятна. Что же там такое на этих улицах — ледники, провалы, белые медведи?

— Хуже, гораздо хуже! — злоеце каркали друзья. — Весь этот город напоминает земное гранитное плоскогорье после землетрясения, покрытое толстым льдом.

Поезд тронулся, а вдогонку неслось:

— Во всяком случае, не ходи без лыж. Коньки! Лучшие на коньках... Не забудь одевать альпинистские сапоги и брать альпенишок...

Когда 11 октября «современный викинг» подъезжал к «столице Урала», ему все чаще начали попадаться хромые, горбатые, кривоногие, со свернутыми на сторону носами, уральцы.

— Сломал руку в Екатеринбурге около Кафедрального собора в сентябре, в полдень.

— Упал в октябре, вечером, у Американской гостиницы, и меня переехали ассенизаторы.

Третий:

— В ноябре, на перекрестке, меня сбил с ног какой-то угорелый саврас на сером рысаке. Сломал два ребра и укатил, да еще и обругал на прощанье.

Четвертый:

— В одну декабрьскую оттепель скатился через десять обмерзших ступеней в подвальную фруктовую лавку. Разбил спину. После этого начал расти горб.

Все спрошенные, словно сговорившись, начинали одной фразой:

— В таком-то месяце, в таком-то часу в Екатеринбурге.

***

На екатеринбургском вокзале, когда встречающие ученые и неученые представители города перестали говорить, жать руки, радушно улыбаться и смотреть с жадным любопытством на знаменитого норвежца, Нансен решительно заявил: «Я пойду пешком».

Это вызвало переполох. Начали уговаривать на плохом английском, на плохом немецком и на плохом русском языках не идти, а ехать. Предлагали автомобиль, русские сани, карету, даже верховую лошадь. Но заставить Нансена переменить решение было не легко — в нем проснулась неукротимая любознательность северного путешественника. Он подвязал коньки, захватил легкие лыжи, взял альпенишок и вышел с вокзала, окруженный любопытной толпой. Впереди его поскакали конные городовые, сзади запыхтел автомобиль, заскрипели сани, застучали колеса.

***

Екатеринбургские улицы не посрамили своей всемирной славой — они показали храброму путешественнику, во что обходится иногда «безумство храбрых» — Фритьоф Нансен явился на чество-

вание его екатеринбургским обществом любителей естествознания с рукой на перевязи, слегка прихрамывая. Его высокий гордый лоб пересекал ирам.

Свой доклад он начал так:

— Я бывал в морях, переполненных плавающими льдами. Я взбирался на неприступные скалы Гренландии. Я пересекал ледники, иссеченные бездонными трещинами. Я срывался в бездны. Я проходил сотни верст, то утопая в снегу, то коченея под дыханием северной бури. Я десятки раз стоял на пороге смерти, но никогда не переживал такого бесконечного ряда препятствий для нормального движения нормального человека, какой мне пришлось встретить при прохождении короткого пути от екатеринбургского вокзала до екатеринбургского музея. Я не думаю, чтобы еще в какой-нибудь столице Европы были такие тротуары и улицы, как в прославленной столице Урала. В этом отношении она побила мировой рекорд.

Свое путешествие по екатеринбургским улицам я смело могу поставить наряду с самыми трудными моими путешествиями.

Шумные аплодисменты польщенных горожан заглушили эти слова Фритьофа Нансена.

Новомодное развлечение и зрелище подарил человечеству наступивший век воздухоплавания — полеты на летательных аппаратах. Екатеринбург не остался в стороне. В 1911 году на городском ипподроме (территория Дворца молодежи) свое искусство на самолете «Блерио» демонстрировал известный летчик А. А. Васильев. И Чекин не преминул воспользоваться ситуацией для критики на этот раз «отцов города», решивших тоже подняться в небо и таким экстравагантным способом прорекламировать себя перед выборами в городскую думу («Ужасный кошмар екатеринбургского обывателя»).

О своем «вознесении» отцы объявили огромными разноцветными афишами.

Кроме того, по Екатеринбургу разъезжали особые герольды, трубили в фаготы и возвещали:

— Граждане! Не пропускайте единственного зрелища! Собирайтесь на Соборную площадь, туда, где лужа, гимназия и Гостиный двор! Дума и управа возносится к облакам небесным, чтобы проветриться перед выборами! Ново! Интересно! Бесплатно! Фурор!!!

Конечно, Соборная площадь в день полета была переполнена.

Да не только Соборная площадь — все прилегающие улицы зашумели и ожили.

Везде слышалось:

— А? Что придумали?!

— Это они от выборов...

— Пускай привыкают! Туда им и дорога!

Поперек площади от собора до плотины были расставлены новенькие летательные снаряды — некая хитрая комбинация из бычачьих пузырей, наполненных газом, зонтиков и бумажных крыльев, пестреющих разными печатями, надписями, чертежами.

О художнике

Рисунки к электронной книге «Летопись славных и постыдных дел, знамений небесных и чудесных событий города Екатеринбурга, столицей Урала именуемого», выполнены художницей А. Микляевой.

Козлов в костюме авиатора давал объяснения начальству и именитым купцам.

— Неужто взаправду полетят? — спрашивали его.

— Обязательно! Разве ж можно публику обманывать, да еще перед выборами!

***

О, Муза, приди ко мне на помощь!

Возьми у меня легкомысленное перо фельетониста и дай другое — перо восторженного поэта-одописца!

Что это поднялось над памятником?

Что это плавно взмыло к ласковому весеннему небу?

Стая белых кречетов? Белых лебедей? Или, может быть, голуби, покинув голубятни местных Митрофанов, смешались в воздушном танце?

Нет, это поднялись на бумажных крыльях при громких криках изумления екатеринбургские отцы, поднялись и полетели, описывая широкие круги над Гостинным двором, Горным управлением, Окружным судом, городским прудом.

Сколько времени продолжался полет, точно неизвестно, но Обухов (городской голова — Ю. К.), летевший впереди, наконец, крикнул:

— Будет! Дух захватило! — и начал спускаться по направлению к Харитоновскому саду.

Остальные аэронавты последовали за ним.

Но тут произошло нечто невероятное: старые деревья сада замахали вершинами и закричали:

— Вы заставили нас окружить кабак, укрывать в своей тени пьяниц и развратников! Не хотим вас пускать обратно в Екатеринбург! Не хотим больше быть под вашей опекой! Прочь! Прочь! (Снова вмещаюсь с комментарием: в начале XX века в Харитоновском саду (парк Дворца пионеров) располагались увеселительные заведения, превращая его в злачное место, что вызывало бурю негодования Чекина. Харитоновский дом не раз становился героем его фельетонов).

У некоторых отцов чуть крылья не подкосились от неожиданности:

— Как? Что такое?! Бунт! Телефонировать...

Но телефона под руками не было, а крик деревьев подхватили тысячи екатеринбургских обывателей:

— Не хотим! Не хотим! Прочь от Екатеринбурга! Прочь от думы и упрямьи!!!

— Кыш-ш! Кыш-ш!.. — кричали женичины окраин, махая ухватами и фартуками.

— Кыш-ш! Кыш-ш! — визжали мальчишки, бросая в отцов бабками и сухой глиной...

Отцы поняли, что предвыборная кампания проиграна. Они вздохнули так, словно зашумел ветер. Они прослезились так, что многие из зрителей раскрыли зонтики, и понеслись, устало махая

Об электронной книге В. П. Чекина

На основе фельетонов известного екатеринбургского журналиста конца XIX – начала XX вв. В. П. Чекина екатеринбургским издательством «Баско» создана электронная книга «Летопись славных и постыдных дел, знамений небесных и чудесных событий города Екатеринбурга, столицей Урала именуемого». Такое название заимствовано в фельетоне Чекина «Жертва телефона», опубликованном в газете «Голос Урала» (1912. 13 марта.). Эта книга необычна тем, что не имеет печатного аналога. На электронных страницах читатели встречаются с рядовыми обывателями и «отцами города», с реальными и фантастическими ситуациями Екатеринбурга начала двадцатого столетия.

крыльями по направлению к Чухломе, где надеялись встретить радужный прием.

Скоро их белая вереница исчезла на горизонте...

Екатеринбуржцы прокричали «ура!», отслужили благодарственный молебен и начали готовиться к новым выборам.

К сожалению, о жизни этого человека сохранилось очень мало сведений. Пока неизвестно, остался ли он в городе после революционных событий и смены власти, которую, судя по публикациям 1917–1919 годов, не принимал. Но его обаятельные, веселые, ироничные и до сих пор злободневные фельетоны, опровергающие пословицу о том, что «под луной ничто не вечно», достойны того, чтобы снова быть прочитанными. Эту возможность наш журнал и предоставил своим читателям.

Юлия Клочкова

ВОСПОМИНАНИЯ О ШОКОЛАДЕ

Читая книги и рассказывая о них, мы упускаем много интересных деталей. Потом тщетно пытаемся вспомнить, где об этом читали?

Предлагаем рубрику, где будет представлена коллекция интересных (и полезных) деталей, встречающихся в книгах: игры, песни, рецепты блюд, советы и т. п.

Присоединяйтесь, все желающие! Сделайте свои маленькие книжные открытия общим достоянием.

Ну вот, весной кто о чем, а я о шоколаде. Считаю, что нет лучше способа поднять настроение, чем съесть кусочек. Лично я предпочитаю «Петербургские ночи. Особый».

А вот героиня триллера **Алена Жермена «Убийство по-французски»** без ума от пралине «Маркиза де Севинье».

Ален Жермен — режиссер и хореограф, театральный художник по костюмам. Каждый из его «театральных триллеров» становится явлением европейского масштаба.

«..Внезапно Анн-Мари захотелось шоколаду. В сумочке оставались еще три непечатые плитки молочного пралине, ее любимого. В день ей требовалось шесть плиток, чтобы организм не страдал. У нее был выработан целый ритуал: сначала снять золоченую обертку, как снимают кожуру с банана, не спеша откусить кусочек снизу, подождать, пока он растает во рту и слюна наполнится шоколадной массой, а крошки пралине растворятся до шоколадной маслянистости, потом провести языком по зубам, слизывая очаровательную сладость, а затем, подождав секунду или две, откусить следующий кусочек. В два-три приема лакомство исчезало в желудке. Пищеварительный оргазм был гарантирован. В заключение надо скатать обертку в комочек между пальцев, выжидая, когда восстановится сердечный ритм. Такой представлялась ей плотская любовь! Гм-м, совсем неплохо! Ну а теперь, полакомившись, она может предаться своей любимой игре «Когда я стану богатой».

В шоколад, я так понимаю, влюблены многие писатели. Слово «шоколад» даже вынесено в названия книг, например, «Шоколад» Джоан Харрис, «Шоколад на крутом кипятке» Лауры Эскивель.

Так все-таки: лакомство это или целебный источник?

В романе **Джоан К. Роулинг «Гарри Поттер и узник Азкабана»** после встречи Гарри с дементором в вагоне поезда профессор Люпин разламывает на части большую плитку шоколада:

«— Держи, — протянул он Гарри самый большой кусок. — Съешь и станет легче.

...Гарри откусил кусочек. Удивительно, но по жилам заструилось тепло».

В последние годы шоколад вновь привлёк внимание медицинской общест-

Жермен А. Убийство по-французски: [роман] / Ален Жермен; пер. с фр. Ж. В. Антонова. — М.: АСТ, Транзиткнига, 2006. — 253, [3] с. — (Арт-детектив: Преступления в мире искусства).

Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и узник Азкабана: [роман] / Джоан К. Роулинг; пер. с англ. М. Д. Литвиновой. — М.: РОСМЭН-ПРЕСС, 2002. — 572 с.

его приём, в шоколаде были обнаружены вещества, обладающие антионкогенным эффектом, и флавонолы, улучшающие состояние кровеносных сосудов. А недавно стало известно, что теобромин — производное метилксантина, содержащийся в какао и шоколаде — обладает выраженной противокашлевой активностью.

Так что вот вам весна, вот шоколадка. Будьте здоровы и не кашляйте.

*Когда нужно что-то вспомнить, что вы делаете?
Напряженно роетесь в памяти? Закрываете глаза, надеясь на озарение? Прибегаете
к помощи гипнотизера?*

Форд. Дж. Меморанда: [фантаст. роман] / Джеффри Форд; пер. с англ. З. Вотяковой. — М.: АСТ, Транзиткнига, 2006. — 285, [3] с. — (Альтернатива. Фантастика).

Писатель-фантаст **Джеффри Форд** в романе «Меморанда» раскрывает секрет мнемонической системы.

Джеффри Форд — мастер интеллектуального фэнтези. Его дебютный роман «Физиогномика» удостоен премии «World Fantasy» за 1997 г. Роман «Меморанда» — вторая книга цикла.

«...Смысл заключается в следующем. — Демон выдержал театральную паузу и неторопливо затянулся сигаретой. Он явно наслаждался ролью лектора. — Владеющий этой техникой создает в своем воображении дворец. Причем представляет его в полном сознании и с предельной концентрацией воли. Когда дворец пускает корни в памяти, приходит время обставлять его предметами — скажем, здесь поставить вазу желтых роз, там повесить зеркало, сюда положить белый плод... Каждый из этих предметов означает нечто, что необходимо запомнить. Ваза с цветами, например, может соответствовать философскому изречению или математической формуле. Чтобы вспомнить формулу, нужно просто отыскать эту вазу во дворце своей памяти.

— Дворец символов... — задумчиво произнес я».

«...Кроме символических предметов там есть даже люди, означающие определенные идеи».

Попробуйте применить эту систему на практике.

Только мне кажется, что вместо дворца путешественник создаст в своем воображении город, шопполик — магазин, садовод — сад, а книжник — библиотеку...

Янина Чиркова

НОВОЕ ПЛАТЬЕ КОРОЛЯ

Изготовление книжных переплетов вручную, как и их ремонт, – занятие довольно старое, сегодня почти исчезнувшее, и поэтому выглядящее экзотически. Книжного мастера можно сравнить с кузнецом, меняющим книжные «подковы».

Книги имеют свою судьбу. А еще книги имеют свой собственный запах, свою особенную пыль и грязь, свой характер и, главное, свои отношения со временем. С этим приходится считаться. Главные затраты книжного мастера – не материальные, а временные.

Починить старую книгу в целом несложно, но качество работы приходит только с практикой, исчисляющейся годами. Чаще всего работы оказывается больше, чем кажется. Такая обычная проблема, как рваные книжные корешки, требует иногда полной разборки переплета. А если у блока нарушено шитье, его, возможно, придется перешивать. После этих операций книга может измениться полностью – вот здесь важно найти баланс между новым и старым; причем все, что в книге оставить невозможно, должно быть специально упаковано и сохранено отдельно. Новые элементы должны стать точными копиями утраченных: важно учитывать тип книги и время ее создания. Так всякая работа, связанная с восстановлением книги, опирается на прочные знания истории переплетного дела.

ФРАНЦУЗСКОГО С НИЖЕГОРОДСКИМ

За почти два тысячелетия существования книги в форме кодекса сменилось несколько основных типов переплетов, каждый из которых имеет десятки разновидностей. Самые старые книги имеют массивные конструкции из досок (дуб, реже бук, позднее – сосна), обтянутых телячьей, свиной кожей или пергаментом. На переднем обрезе обычно располагаются металлические застежки, а кожаный корешок «глухой», то есть приклеен прямо к корешку блока. Кожа обтягивает пеньковые шнуры, на которые особым «монастырским» шитьем скреплены тетради; в зависимости от размера книги шнуров бывает от двух до семи. Обтянутые на корешке шнуры называют бинтами. Именно к шнурам при помощи системы отверстий и забитых в них пробок крепятся переплетные доски. Корешок между шнурами оклеивается полосами прочной некрашеной ткани, приклеенной на внутреннюю поверхность крышек. Верхний и нижний обрезы дополнительно укрепляет каптал, сплетенный на кожаном шнуре из двух нитей разного цвета: желтого и черного («пчелиное брюшко»), красного и черного и пр. Такая конструкция позволяет собирать листы закрытой книги в своеобразный пресс, чтобы они меньше страдали от воды, попадания пыли, повреждения грызунами. «Русский средневековый» переплет произошел от романских, византийских и готических переплетов, расцвет его пришелся на XVI–XVII века. Книги традиционно переплетались при монастырских скрипториях, но важнейшую роль в формировании типичного облика русской церковной книги сыграла переплетная мастерская при государственной типографии на московском печатном дворе. Типовой переплет имеет украшения в виде «слепого» (или «блинтового») тиснения горячими штампами на коже, покрывающей переплетные крышки, а также на корешке: это рисунок, состоящий из нескольких рамок, в которые вписаны элементы травного орнамента. Роскошные переплеты имели тисненый рисунок на обрезе, а сам обрез был золотым – правда, в качестве золота чаще всего исполь-

*Сергей Анатольевич Кудрявцев,
реставратор*

зовались другие материалы, например ярь-медянка. Дешевое «золотое» покрытие держалось недолго, и сегодня такие обрезы легко узнать по характерным окислам желто-зеленого цвета. Переплеты евангелий нередко имели покрытие из парчи или красного бархата, дополненное литыми из серебра или латуни средником в виде ромба и наугольниками, а в исключительных случаях украшались драгоценными камнями или помещались в переплет-оклад, металлический, с тонкими гравировками. Тканевые переплеты, как правило, сохранились гораздо хуже простых кожаных: ткань быстро истлевает, грязнится и рвется. Металлические украшения, как и драгоценные камни, как и застежки, рано или поздно начинают жить своей особенной жизнью. Кроме того, тяжелые крышки с литым неудобны при перевозке, а при падении книги верхняя крышка отрывается и часто раскалывается. Все это привело к тому, что роскошные переплеты вообще сохраняются очень плохо.

В XVIII веке переплет церковной книги начинают украшать золотым тиснением, которое в XIX веке вытесняется более дешевым французским. Вообще в конструкции «средневекового» переплета в XVIII–XX веках произошел ряд изменений, отражающих стремление ускорить и удешевить его производство. Как правило, изменения делались с оглядкой на основной в это время тип переплета — французский. Можно встретить «средневековые» переплеты с нехарактерным расположением шнуров, с блоками, сшитыми на пропалах или даже через тетрадь, с отбитыми плечиками на корешке (т. н. «кашированные»), с использованием вместо досок картона, со сложными, в том числе составными форзацами, с капталами машинного плетения или капталами из сложенной полоски полосатой ткани, с шнурами, приклеенными на нижнюю сторону досок, и пр. Эти изменения полностью характерны даже для переплетов старообрядческих книг, которые до конца XX в. продолжали оставаться внешне типично средневековыми.

Французский переплет появился в XVII веке, а наибольшую популярность получил веком позже. На протяжении XVIII–XIX веков западноевропейские мастера сделали его образцом прочности и изящества. В изменившихся условиях хранения книг становится излишней конструкция в виде прессы, поэтому для крышек начинают использовать более дешевый и

легкий картон, исчезают замки, оклады и толстая, прочная кожа. Книги переплетают в ткань и тончайшие кожи — телячью, овечью, а лучше всего козью, самую прочную, обладающую красивым естественным рисунком мереи. Тиснение по такой коже, наклеенной на податливый картон, давалось значительно легче и в короткие сроки стало отдельным очень сложным мастерством. Главное отличие французского переплета от средневекового, однако, в особой форме корешка. На корешке сшитого на пропилах и округленного блока формируются плечики, в которые затем укладываются картонные. Это позволяет стоящей книге не выпадать вперед из переплета при отсутствии застежек. Поскольку шнуры укладываются в пропилы, корешок стал гладким, следовательно, шитье стало менее уязвимым для повреждений. При шитье используются другие техники: блоки менее массивны, поэтому можно несколько снизить прочность скрепления ради скорости работы — за один проход теперь прошивается от одной до трех тетрадей. Внешне корешок тоже изменился: покрытие начали приклеивать не к корешкам тетрадей, а к отстоящей от них полоске картона — отставу. Это позволило книге шире раскрываться, а покрытие корешка перестало изгибаться внутрь и, следовательно, ломаться по линиям сгиба. Чтобы не нарушать традиции книжного оформления, на отставе французского переплета формируются ложные «бинты» из полосок картона или кожи. Капталы редко бывают плетеными вручную, обычно они изготавливаются из полосок полосатой ткани с вложенным пеньковым шнурком, так что над обрезаем получается выступ в виде валика. Обрезы почти не бывают тисненными, но иногда золотятся, а чаще окрашиваются под мрамор или, что дешевле всего, набрызгом, то есть мелкими каплями краски одного цвета. Желание сэкономить на дорогой коже послужило причиной появления такого характерного элемента французского переплета, как мраморная бумага: рисунок в виде разводов мрамора выполнен плавающими красками на жидком грунте и затем снят листом обычной бумаги. Сторонки покрываются этим материалом от кожного корешка до кожаных уголков, поэтому такой тип переплета называется полукожаным.

Роскошные переплеты XVIII—XX веков отличает использование дорогой кожи, различных инкрустаций, изящного тиснения на корешке и сторонах, а также отделка обреза листовым золотом, форзацных листов из шелка и других дорогих материалов. Роскошные французские переплеты выделяет особая тщательность всех этапов отделки. Следует сказать, что такие переплеты, хотя и встречаются гораздо чаще роскошных средневековых, все же довольно редки. В XIX веке роскошный переплет начал производиться с использованием машин серийно, этот тип переплета хорошо представлен в фондах Белинки. Что касается ремонта французского переплета, то он имеет почти те же проблемы, что и средневековый. Как и у массивного «пресса», его самое слабое место — шарниры переплетных крышек, кожа на которых быстро истирается и рвется. Отпадает корешок с отставом, затем рвутся форзацы, и книга остается без переплета еще быстрее, чем средневековая. Кроме того, слабым местом стали уголки картонов. Все это происходит еще и потому, что чаще всего к читателю попадает хоть и сделанный вручную, но дешевый, массовый переплет, который был сделан небрежно и из дешевых материалов. Некачественный

Французский переплет

переплет могут иметь целые серии, которые заведомо будут храниться долго и интенсивно читаться. Например, печально известное «Полное собрание законов Российской империи», во многих книгохранилищах находящееся в очень плохом состоянии.

В XX веке книг стало больше, и тенденция к удешевлению переплета многократно усилилась. На смену натуральным материалам пришли синтетические, а процесс изготовления был полностью механизирован. В результате этого произошло значительное упрощение конструкции, переплет стали массовым, дешевым и крайне нежизнеспособным элементом книги. Такие переплеты называются «переплетом в папку», поскольку книжный блок вставляется в отдельно изготовленные переплетные крышки и держится почти исключительно за счет форзацев. Когда разрываются форзацы, папка и книжный блок снова разъединяются. Поэтому ремонтировать современные переплеты легко, но живут они после ремонта все равно недолго — если, конечно, не изменять их конструкцию. То есть не смешивать нижегородский с французским себе во спасение.

РАЗГОВОР С ВЕЧНОСТЬЮ

Средний срок жизни переплета — 50 лет. Затем обычно пересыхает и трескается кожа на корешке: там, где открываются картоны. Хотя, все зависит от интенсивности чтения. Трудно сказать, сколько проживет сделанная тобой книга. Всегда хочется верить, что она переживет мастера. Для него, как и для поколений читателей, книга — это больше чем текст и к нему переплет. Книга всегда несет в себе отношение державшего ее в руках человека. В особой энергетике, исходящей от книги, это отношение нельзя не почувствовать. И эту энергетику нельзя не сохранить и не передать дальше.

Так появляется смысл работать со старыми книгами, дышать ими (из листового блока средневековой книги в худшем случае выметается около полстакана пыли). В этой пыли реставратор обычно и проводит свой разговор с вечностью.

Нужно успеть полюбить объект из бумаги, кожи и дерева за очень небольшое время, нужно жалеть его в том плачевном состоянии, в котором он попал к тебе, нужно попытаться сохранить все то, что возможно сохранить, и удалить все ненужное, восстановить то, что было утрачено — и сделать это, возможно, не первым во времени (за сто лет до тебя кто-то уже делал то же самое, ты можешь видеть, как это удалось, и насколько книга пострадала от давнего ремонта или насколько неповторимой она стала после него).

При делении операций в реставрационной работе возникает своеобразная коллективная ответственность, общая заинтересованность одним объектом (так должно быть) — для книги (старой, ручного изготовления) это ситуация, напоминающая ее рождение. Если наше вмешательство почти незаметно, а книга стала значительно крепче, чище, привлекательнее — значит, реставраторы выполнили свою работу. Настоящий смысл и красота реставрации в том, что ее не видно.

Сергей Кудрявцев

*Обложка с использованием
мраморной бумаги*

РУССКАЯ КНИГА ХУДОЖНИКА. НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Книга художника (бук-арт) – жанр со своей традицией как на Западе, так и в России. И если на Западе эта традиция не прерывалась со времен первых опытов Вольфа по настоящее время (дань жанру отдали многие известные художники от Дюшана и Брака до Пикассо и Уорхолла), то в России развитие книги художника шло периодами.

Первыми были «миriskусники» (Бенуа, Лансере, Билибин) в 1910-х годах с их книжной роскошью: на дорогой бумаге с цветным обрезом и с золотым тиснением, с многокрасочной печатью и изощрёнными переплётами. Рядом, а потом и дальше шли футуристы (Хлебников, Крученых, Бурлюк, Малевич, Терентьев, Зданевич) со своими странно-наборными, рукописными и литографическими книжками на оберточной бумаге. Параллельно (и чуть позже, уже в 1920-е) развивалась конструктивистская книга (Лисицкий, Ган, Веснины, Родченко, Ильин, Теленгатор), в основном порождая образцы графического дизайна, но порой становясь полноценной книгой художника. Развитие авангардной традиции продолжилось в Питере в 1930-х годах (Стерлигов, Вера Ермолаева) и было остановлено сталинскими репрессиями (книге художника, как и литературе, досталось в числе первых). В 1960-е, после долгой паузы на войну и ГУЛАГ, появился «самиздат», а в 1970-е, во многом на основе «самиздата», расцвёл «московский концептуализм» (Пивоваров, Кабаков, Монастырский, Герловины...). В 1990-е годы, в эпоху побеждающего постмодернизма, интерес к бук-арту не исчез – к нему тогда (кто чаще, кто реже) обращались книжные иллюстраторы (Джикия, Тишков, Карасик, Стройло), графические дизайнеры (Данилов, Гордон, Логвин), театральные бутафоры (Перевезенцев, Якунин), живописцы (Флоренские), видеоартисты, а также скульпторы, архитекторы, акционисты... Наконец, на рубеже веков

Андрей Суздаев, Ольга Хан
КОЛОКОЛ УМА

(плоскость мысли IX)

Из проекта

«Библиотека Зангези».

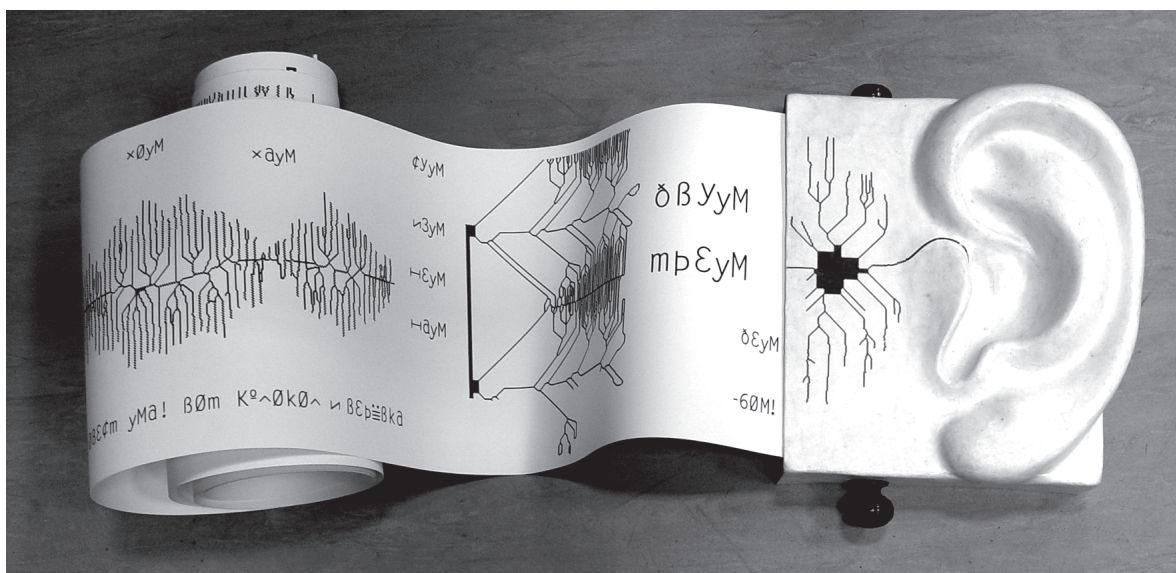
Книга-объект.

Футляр – 230 x 180 x 60 мм,
папье-маше, акриловый лак.

Книга-свиток – 210 x 4000
мм, бумага, цифровая печать.
Отдельный лист-вкладыш.

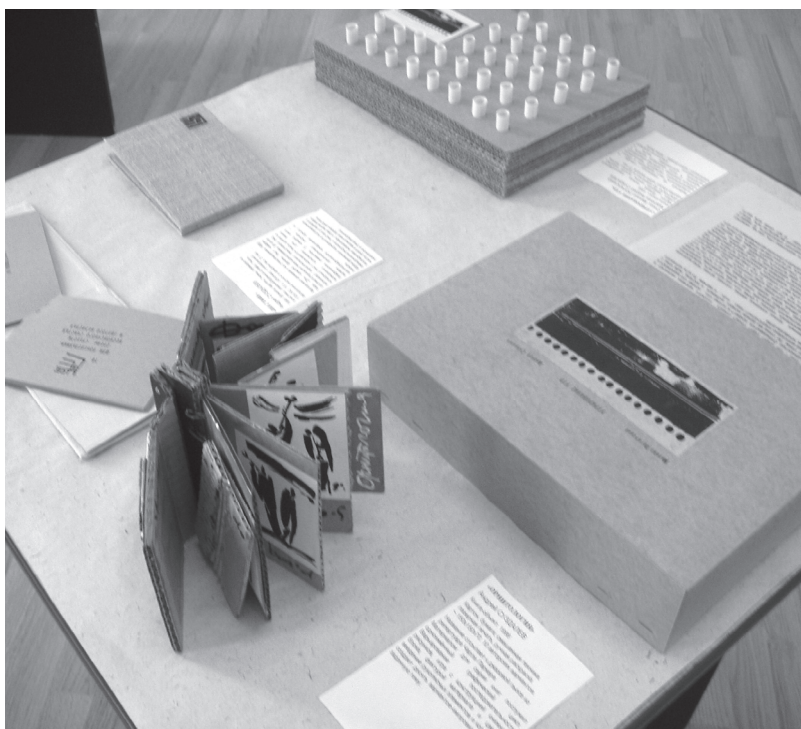
5 экз. 2006

Книга экспонировалась на
выставке «ДВА-ТРИ», посвя-
щенной Велимиру Хлебникову
(Выставочный зал библиоте-
ки им. В. Г. Белинского. 20 ок-
тября – 17 ноября 2006 года).

Выставка
«АНДРЕЙ СУЗДАЛЕВ –
“Издательство ALCOOL”»:
фрагмент экспозиции
(Выставочный зал библиотеки
им. В. Г. Белинского.
14 сентября – 18 октября
2004 года).
Книги «Утфирование утр»
(совместно с Михаилом
Погарским и Spies Boys, 1999),
«Орнитология» (1996) и
«Шествие» (1999).
Фото: Дмитрий Латухин

Выставка
«АПОЛЛИНАРИЙ»:
к 125-летию со дня рождения
Гийома Аполлинера
(Выставочный зал библиотеки
им. В. Г. Белинского.
14 октября – 14 ноября 2005 года).
Графика Дмитрия Цветкова
и книга-объект
«OCEAN DE TERRE» /
«ЗЕМНОЙ ОКЕАН»
Андрея Суздалева.
Куратор выставки:
Андрей Суздалев (Москва)
Фото: Александра Криволуцкая

заявила о себе «медийная книга», включающая видео-, и аудио-, и дигитальные носители, но главное особым образом организующая вокруг себя медиасобытие (в таком ключе книгой художника занимаются Лежень, Селиванов, Стрелков, Суздалев). Разумеется, по-прежнему развивались и традиционный для жанра «книжный объект» (Волохов, Куликова, Погарский), и «ручная печать» (Гоппе, Саенко) и «книга-артдокументация» (Инфанте, Константинов)

Сейчас, в начале XXI века в жанре книги художника работают очень разные художники — их трудно объединить одним направлением. Скорее, можно говорить о приоритетных векторах поиска — сам жанр предоставляет широкое поле для различных предпочтений. Обобщая, можно заявить, что современная книга художника является реакцией на взрывное развитие как массовой, так и электронной литературы и имеет целью сохранить *полноту* книги как культурного явления. Но более того — современная книга художника всё чаще превращается в универсальный коммуникатор, беря для этого необходимые медийные компоненты и у традиционной книги или графической серии, и у звуковых, визуальных и интерактивных практик и приёмов.

Заметим, что т. н. актуальное искусство в своём стремлении к радикальности и тотальности всё время рискует потерять свою территорию. Приёмы, рождённые как художественные, экспроприируются (и с гораздо большим успехом и размахом используются) рекламой и дизайном, модой и политикой — что ставит художника, играющего в эти игры, в подчинение стандартам и стереотипам упомянутых сфер и приводит в итоге к потере художником творческой свободы.

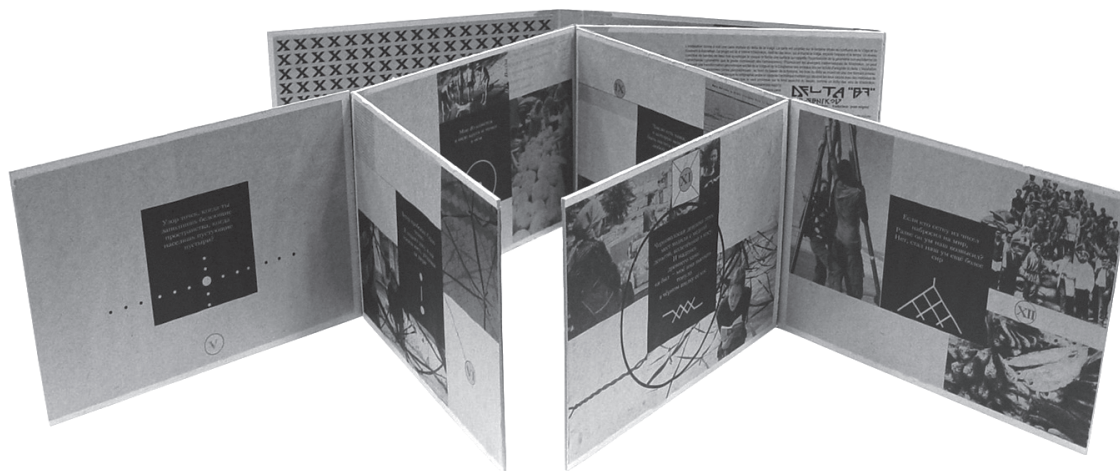
Жанр же книги художника представляется некой заповедной зоной, в силу ряда причин по-прежнему принадлежащей территории искусства. К таким причинам относятся и междисциплинарность бук-арта, и устойчивая многовековая традиция книги, и сугубая технологичность самого процесса создания книги художника. Художник, работая в жанре бук-арта, реализует наиболее радикальную стратегию — «стратегию ускользания в пограничную область между искусством и неискусством» (Евгений Барабанов).

Пограничность, междисциплинарность, можно сказать *ничейность* жанра всегда чреваты потенциальной новизной и возможностью развития. Книга художника — своеобразный арт-полигон с постоянно меняющимися приоритетами текста, графики, формы, архитектуры, фактуры... Особенностью обсуждаемого жанра является и то, что в условиях глобализации современного искусства он позволяет сохранить национальную языковую идентичность (из книги слов не выкинешь) — что представляется немаловажным в то время, когда опасность культурной унификации становится очевидной.

Отметим также, что книга художника во многом преодолевает репрессивность музейной и собирательской практики. Книгу художника можно и нужно трогать и листать на выставке, кроме того она, как правило, существует в нескольких экземплярах и в отличие от картины, к примеру, не может быть узурпирована одним коллекционером.

И, наконец, достоинством книги художника является её демократичность, эгалитарность по сравнению со многими традиционными жанрами изобразительного искусства, что, по-видимому, связано и с глубоко укоренённым в коллективном сознании образом книги вообще и Книги с большой буквы, и с удивительным разнообразием форматов, приёмов, техник и материалов такого явления, как книга художника.

Евгений Стрелков

Евгений Стрелков

ДЕЛЬТА ВЭ

Книга художника.

255 x 170 мм. Книга-раскладушка. Крафт, картон, шелкография, вырубка. 50 нум. экз. 2005

Книга связана с художественной акцией по превращению заброшенного фонтана в Астрахани в макет дельты Волги.

Книга экспонировалась на выставке «ДВА-ТРИ», посвященной Велимиру Хлебникову (Выставочный зал библиотеки им. В. Г. Белинского. 20 октября – 17 ноября 2006 года).

Кураторы выставки: Андрей Суздальев (Москва), Евгений Стрелков (Нижний Новгород), Иван Миньо (Yvan Mignot; Франция).

НЕИЗВЕСТНАЯ СЕМЬЯ ИЗ ООДОМАРИ

В 2006 году в издательстве «Баско» (г. Екатеринбург) вышла необычная и в какой-то степени уникальная книга-альбом «Карафутто. Альбом неизвестной семьи из Оодомари». В книге-фотоальбоме опубликованы 83 фотографии членов японской семьи и виды города Оодомари (приблизительно 1906–1920 годы). На издание получена положительная рецензия специалистов кафедры востоковедения факультета международных отношений Уральского государственного университета, также издательский проект одобрен министерством международных и внешнеэкономических связей Свердловской области.

Идея и авторство проекта принадлежат сотруднику «Баско» Сергею Александровичу Новопашину, который в августе 2005 года был единственным уральцем в составе экспедиции по Южному Сахалину. Инициатором выступила Сахалинская региональная общественная организация «Пилигрим» (руководитель Сергей Михайлович Первухин, г. Южно-Сахалинск). Основная задача экспедиции состояла в экологическом мониторинге побережья полуострова Терпения, на территории которого располагается ныне Поронайский заповедник. Как это нередко бывает, задачи и цели экспедиции были одни, а результаты неожиданным образом оказались другие...

Так, после окончания экспедиции С. Первухин, демонстрируя свои архивы, показал С. Новопашину и старый альбом со 106 фотографиями некоей японской семьи, после чего, по договоренности с владельцем архива, С. Новопашин составил концепцию и текстовую часть книги.

Первый, сигнальный тираж книги-альбома был спонсирован Андреем Юрьевичем Колесниковым (г. Екатеринбург), директором ООО «Промышленный торговый Дом», которому понравилась идея издать книгу и с ее помощью начать поиск потомков семьи из города Оодомари.

Проект уже получил отклик в Японии и на Южном Сахалине. Частные лица и организации («Русский клуб» в Токио и др.), которым интересна история периода губернаторства Карафутто, стали добровольными помощниками в продвижении проекта, а крупнейшая ежедневная газета Японии «Hokkaido Shimbun» (1 млн экз.) опубликовала об этом соответствующую статью.

Как считают все участники этого издательского и выставочного проекта, история с альбомом будет считаться законченной, если удастся найти потомков семьи и вручить им в дар книгу-альбом.

фото:

© С. А. Новопашин

© С. М. Первухин

Замкнутый между скал,
Начал подтаивать лёд
В это весеннее утро.
Вода, пробиваясь сквозь мох,
Ощупью ищет дорогу.
Сайгё (Сато Норикиё), «Весна»

Тоёхара, Сикука, Эсутору, Маока... Непривычные для русского уха названия, имеющие, тем не менее, прямое отношение к истории российской, а точнее — к российско-японской. Подобный перечень можно составить про каждое поселение и город на Южном Сахалине, но лучше — увидеть их своими глазами. Увидеть памятники традиционной японской культуры и следы японской же индустриализации в виде мостов, зданий, заброшенных фабрик и военных казарм... увидеть уникальные ландшафты с сохранившимися еще лесами, где обитают виды охотской, маньчжурской, северояпонской и североамериканской фауны, не говоря уже о произрастающих здесь эндемичных растениях... Где на берегах полуострова Терпения можно наткнуться на вросшую в тундровые почвы японскую

долговременную огневую точку (дот), охранявшую подходы к заливу с одноименным названием, и там же найти необычной формы бутылку с остатками японского виски «Nikka Taketsuru», занесенную сюда наряду с другим мусором морским течением...

Более полувека прошло, как не слышно «банзай!» на берегах Сахалина, поскольку нет города Тоёхара на месте поселка Владимировка — есть областной центр Южно-Сахалинск; молчит и заброшенная синтоистская часовня в живописных окрестностях горы Большевик, с которой весь город как на ладони. Нет Маока — есть Холмск. Нет города Сикука (Сисука) и округа Сикука-ситё, но есть город Поронайск с одноименными районом и заповедником... Мне, пожалуй, повезло. Мой друг, Сергей Первухин, с которым учились в 1980-х в педагогическом институте на географо-биологическом факультете, пригласил меня на Сахалин в экспедицию по полуострову Терпения. Мои впечатления — тема отдельная, тем более, что за прошедший с сахалинского «эко-трипа» год вышло пять публикаций об этом мероприятии.

Судьба — странная штука. Банально, но пути Господни неисповедимы. Для чего нужно было, чтобы Первухин уехал с Урала на Сахалин, а затем вызвал меня? Видимо, все-таки не для того, чтобы показать мне сезонный нерест горбуши...

Что делать человеку, нашедшему фотографии незнакомой семьи? В издавшем виды альбоме собрана, как можно предположить, фотоистория трех поколений японского семейства — с друзьями, сослуживцами, слугами... И что прикажете делать, если в альбоме нет ни одной подписи? Да если бы и были — что толку? Увы, но и в свои годы я не владею азбукой «кан-

дзи-кана-мадзири-бун», которой пользовались те, чьи образы запечатлела камера неизвестного фотографа... Когда вглядываешься в сепию начала XX века, поражает всё: от качества снимков, возраст которых чуть меньше сотни лет, до мебели — стиль эко в состоянии вызвать зависть современных дизайнеров. Однако в первую очередь привлекают лица людей со старых фотоснимков. Лица, несущие печать древних традиций, клановой и кастовой гордости... И едва уловимую печаль о будущем, подобную «югэн» — таинственной темной красоте. Или мне это только кажется?..

... Нездешние, несегодняшние лица. Они заставляют задуматься о судьбах неизвестных мне мужчин, женщин и детей, когда вновь и вновь листаешь страницы и рассматриваешь монохромные изображения. Картинки из чужой жизни, за которыми стоит история не только семьи, но косвенно — история 40-летнего японского правления на Южном Сахалине в первой половине прошлого века.

Кем были члены этой семьи? Каков был их социальный статус, когда и как они попали на Сахалин, какими годами датированы фотографии? И что заставило хозяев альбома оставить его в Корсакове — небольшом городке, при японцах носившем столь необычное для русского слуха название — Оодомари? Об этом мы можем только догадываться.

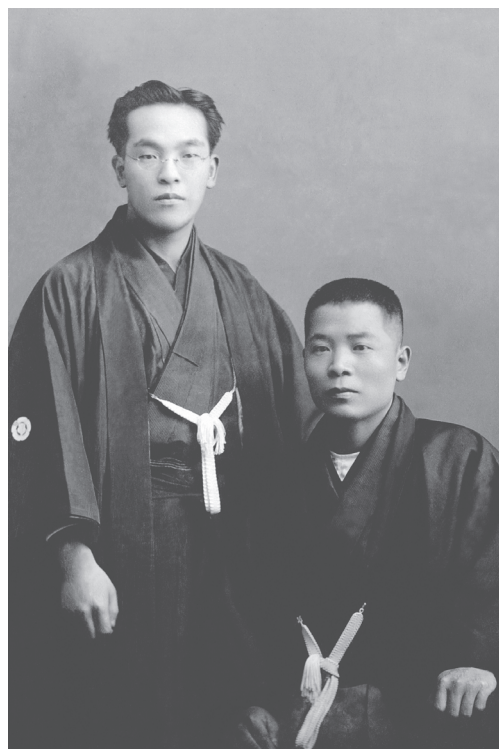
Если судить по их внешнему облику — одежде, прическам, по тому, с каким внутренним спокойствием и достоинством они смотрят в объектив, а также антуражу помещений, можно предположить что положение семьи,

безусловно, «выше среднего». Быть может это государственные чиновники, инженеры (?), военнослужащие... Люди, выполняющие свою миссию, свой «гири» — долг: император Муцухито (Мэйдзи) призвал народ к освоению новой колонии, каковой стал для Японии Южный Сахалин, «отбитый» у России в результате войны 1905 года. И вот уже первые переселенцы ставят палатки временных лагерей, укладывают шпалы будущих железных дорог, возводят фундаменты домов и заводов. На нескольких фотографиях — с большой степенью вероятности — как раз и запечатлены первые шаги японского освоения южной части острова. Поэтому вполне правомерно отнести часть фотоснимков к 1906 году и далее — до 1920—1930-х годов.

Что касается конкретики места, то, судя по попавшим на снимки пейзажам бухты, фрагментам улиц и отдельным постройкам, — это именно город Оодомари (Отомари), расположившийся на берегу залива Анива. Во всяком случае, на одном из них узнаваема улица Сагаэ — главная улица Оодомари, на другом — местная православная часовня. На нескольких фотографиях видны следы пожара: могу предположить, что это либо последствия сдачи поселка Корсаковский Пост русскими жителями, которые при отступлении подожгли его, либо — что менее вероятно — следы какого-то локального пожара, случившегося позднее. В пользу Оодомари-Корсакова говорит и тот факт, что альбом был найден именно там: после того, как осенью 1945 года Южный Сахалин вновь стал частью СССР.

Разглядывая снимки, я снова и снова возвращаюсь к вопросу о том, почему альбом — столь ценная для любой семьи вещь, по сути — материальное отражение генеалогии и хронологии семьи или клана, — оказался потерянным или даже брошенным? Репатрианты забыли его при сборах? Сомнительно, особенно для японцев, которые к собственной истории относятся весьма трепетно... Хотя, кто знает, сколь спешным был вынужденный отъезд?... А может, именно тот саквояж (чемодан, корзину?), где лежал фотоальбом, советский военный служащий не пропустил при досмотре, когда японская семья стояла у трапа судна, увозившего их от берегов Сахалина? Едва ли нам удастся узнать правду. Выстраивая догадки и фантазируя по этому поводу, невольно чувствуешь печаль — «японскую печаль»? — когда одновременно осознаешь эфемерность, непостоянство мира и невольно любуешься его красотой... Мир, казавшийся незыблемым для жителей маленького Оодомари и всего Южного Сахалина, вдруг изменился и в одночасье из *настоящего* (и будущего!) стал *прошлым*, которого уже не вернуть...

Остается лишь попытаться найти потомков «семьи из альбома», вернувшихся на Родину — в Японию в далеком уже 1945-м. Во всяком случае, такое желание есть: «пепел Клааса стучит в сердце». И пусть в данном случае это «пепел» не моих предков, но мне близки и понятны чувства людей, которым представится возможность встретиться с собственным прошлым, найти и увидеть старые фотоснимки с родными лицами. И неважно, что мы живем в разных странах, непохожи внешне, по образу жизни и ее восприятию, — если вдуматься, все это не имеет никакого значения.

История находки фотоальбома не менее таинственна, чем история Сахалина в целом... Возможно, я преувеличиваю, и подобных историй на Южном Сахалине не счесть, учитывая его пограничное положение — в зоне интересов России и Японии. В итоге альбом был найден при неизвестных обстоятельствах в Корсакове после окончания войны в 1945 году и репатриации японцев и долгое время находился у одной из семей русских переселенцев с материка. К сожалению, имена членов этой семьи мне не известны. Известен лишь последний обладатель этого альбома — Сергей Первухин: ему он достался от некой женщины — бывшей жительницы Корсакова наряду с другими «бумагами»: японскими журналами и книгами.

Впервые с «фотохроникой» японской семьи из Одомари я познакомился в августе 2005-го. Но только спустя несколько месяцев, наконец, родилось решение, как поступить дальше. Результат сомнений и размышлений, благодаря полиграфическим технологиям и творческой энергии участников проекта, был воплощен в книгу-альбом. В итоге, история, начавшаяся на Сахалине, получила продолжение на Урале, в Екатеринбурге. Понятно, что просто опубликовать все сто шесть фотографий без каких-либо комментариев — дело нехитрое, но непонятное, т. е. не концептуальное. Вот потому и возникла идея «вплавить» формат семейной хроники в исторический контекст, дополнив изобразительный ряд ретроспективными заметками, историческими справками и документами, фотографиями и

репродукциями с почтовых открыток времен префектуры Карафутто. Так что в данном альбоме фотографии начала XX века соседствуют с видами современного Сахалина и картами Карафутто.

Надо признаться, что в данном случае произошло то, что нередко случается при исследовании: потянув за веревочку, невольно увлекаться, и уже трудно противостоять желанию распутать весь клубок. Поэтому при первоначальной задаче создания исторического фона для фоторяда и определив Корсаков-Оодомари как отправную точку, пришлось «копать все поле», т. е. проводить некий анализ историко-географического феномена под названием «Сахалин». Ведь иначе трудно понять все перипетии этнической и политической истории острова. Это стоило сделать хотя бы для того, чтобы воспроизвести мысленно ту реальность, в которой японцы и русские то мирно живут вместе, то сражаются, защищая свои границы (причем эти границы имеют тенденцию передвигаться!), то уступают друг другу земли и воды, то производят обмен и тем и другим... Затем вновь живут, создавая общества дружбы и историко-культурные национальные центры, представительства префектур и областей, совместные предприятия и пр., так и не подписав с осени 1945-го договор о мире. Стоит ли удивляться, что дети в семье переселенцев с материка (из СССР) среди прочих игрушек держали потрепанный альбом с фотографиями. С фотографиями чужих им людей — странных, экзотичных для русского глаза, но чем-то привлекательных и красивых...

После нескольких советов-совещаний с коллегами было решено сделать то, что сделано. А именно — издать книгу-фотоальбом ограниченным тиражом в 50 экземпляров и презентовать ее в надежде на то, что все ее получатели смогут реально помочь в поисках потомков неизвестной семьи из Оодомари.

Конечно, кому-то может показаться, что на фоне серьезных международных перипетий (описание которых имеется в книге) история одной семьи, а точнее лишь некие «следы» этой истории, — это факт весьма незначительный, всего лишь капля... Но и могучий океан состоит из малых капель, подобно истории, «сотканной» из деяний и судеб людей.

Слишком много неизвестных в нашем «уравнении»: «белые пятна» истории семьи из Оодомари превалируют, позволяя лишь выстраивать догадки относительно её судьбы. Возможно, поиски только начинаются. Хотя теперь мы лучше представляем себе декорации, на фоне которых происходили драмы и трагедии истории двух народов, двух государств.

В главном архиве Сахалинской области хранится более 60 тысяч различных документов, самые старые из которых датированы 1896 годом. Наибольший интерес японских ученых вызывают те, что относятся к периоду губернаторства Карафутто. Судьба этих свидетельств истории Сахалина, коих осталось более тысячи единиц, — отдельная тема. Известно, что значительную часть документов губернаторства японские власти сожгли до начала военных действий в 1945 году, а сохранившиеся рассеялись по обеим странам: одна часть находится в политехническом институте Токио, другая — в архивах префектуры Хоккайдо, а третья, как уже говорилось, — в России.

К нашей теме — к истории семьи владельцев фотоальбома — всё это имеет непосредственное отношение... Кто знает, может быть, документы одного из архивов смогли бы пролить свет на судьбы тех, чьи фотографии были найдены в Корсакове. Быть может, они находились в числе пассажиров потопленных судов? Или, Будда всемилостив, — их жизнь продолжалась на Хоккайдо?

Так или иначе, но Южный Сахалин оказался тем местом, где соприкоснулись культуры, надежды и судьбы двух держав, судьбы людей разной этнической и конфессиональной принадлежности. И это историческая данность.

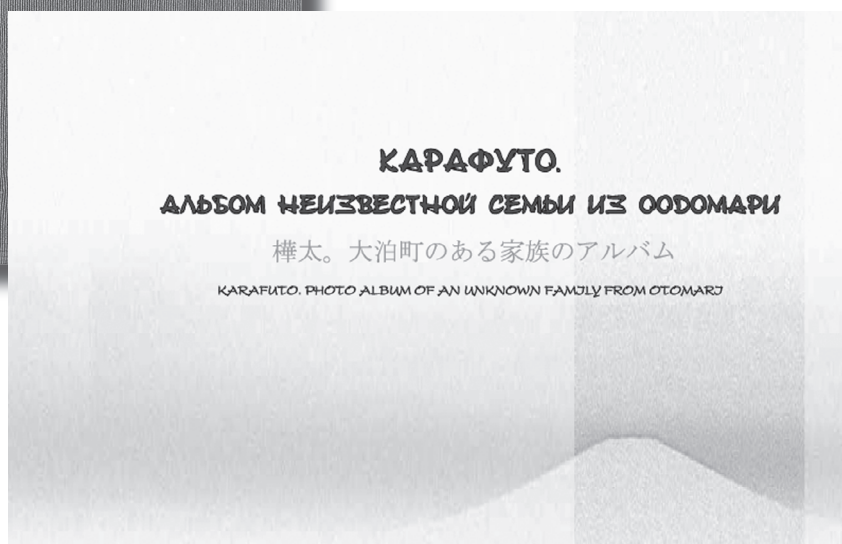
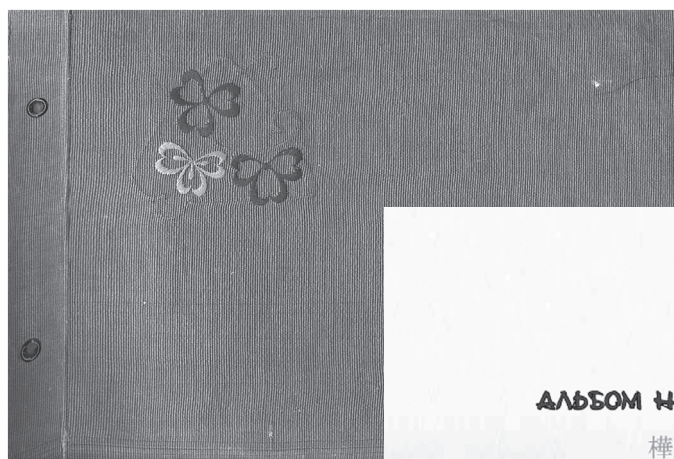
Следы этого соприкосновения сохранились до сих пор — они остались в памяти людей, в планировке и облике городов, в старых фотографиях, заботливо вклеенных в семейный альбом... Альбом, бесконечно дорогой для тех, кто знает и чтит прошлое, живет настоящим и верит в будущее.

*Вот из здешних мест, из Синанэ,
Из реки из Тикумб, взгляни:
Камешек простой,
Но ступишь ты ногой —
Для меня он станет яшмой дорогой!*

Из песен провинции Синанэ, 3 400

Из антологии «Мантёсю»

Сергей Новопашин

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ГРУЗДЯ

«Всем лучшим во мне я обязан книгам...»

Не знаешь, с чего начать, — начни с цитаты. Пусть даже ты не совсем точно, а то и вообще не помнишь ее автора. Тем более, что и у последнего был свой круг чтения, а значит, и у приведенного афоризма были «исходники».

Никуда не деться от цитирования предшественников и мне: по своей профессиональной деятельности я числюсь среди литературных правщиков, а значит, работаю с чужими текстами...

Цитата вторая. Из Саши Черного.

В трактирах шум. Струятся реки

Благословенного вина.

А там, внутри библиотеки, —

«Там вековая тишина».

Неосторожно потеряв бдительность, необходимую при общении с симпатичными сотрудниками библиотеки им. В. Г. Белинского, и пообещав им («Назвался груздем...») «откликнуться» в новый журнал чем-то типа эссе о своей домашней библиотеке, *«лезу в кузов»*.

Конечно, лучше было бы не писать ничего вовсе — слишком уж интимной при последующем здравом размышлении оказалась предложенная тема.

Все равно ведь, сколько у меня дома книг, я никому не скажу.

Разумеется, из скромности: ну, ясное дело, что, всю сознательную жизнь работая *при* литературе (зав. отделом критики журнала «Урал», редактором в Средне-Уральском, «У-Фактории», «Сократе» и сотрудничая с рядом других книжных издательств, параллельно все это время преподавая изящную словесность в УрГУ), я не мог в конце концов не накопить книг в определенном (сказать в *порядочном* не могу — начали они меня уже выживать, сволочи, из квартиры) количестве.

Имеются, впрочем, среди них и такие экземпляры, которые надо бы выкинуть, как в начале так называемой *перестройки* это сделало большинство страны с трудами классиков марксизма-ленинизма. Или сдать куда-нибудь, поскольку никогда их уже, видимо, не отброшу.

Только всякий раз становится жалко. То вспомнишь свой прежний читательский восторг: с какой надеждой ждали все мы очередной номер «толстого» журнала — где продолжение какой-нибудь гремевшей тогда прозы. То окажется, что авторы обреченных, казалось бы, на «интернирование» книг когда-то подарили мне эти свои литературные труды, *тепло* написав.

Есть и тексты, которые давно уже продублированы последующими, более полными и выверенными (относительно следования авторской воле) изданиями. Например, сшитая из двух вырывок, кустарным способом переплетенная первая отечественная публикация «Мастера и Маргариты» в журнале «Москва» — сегодня не более, чем книжный памятник той эпохе, когда «толстяки» не просто повсеместно читались — передавались из рук в руки по ближайшим друзьям, а для того, чтобы выписать тот же «Новый мир», надо было предварительно *нагрузиться* подпиской на га-

зету «Правда», журнал «Трезвость и культура», реферативный сборник «Свиноводство за рубежом»...

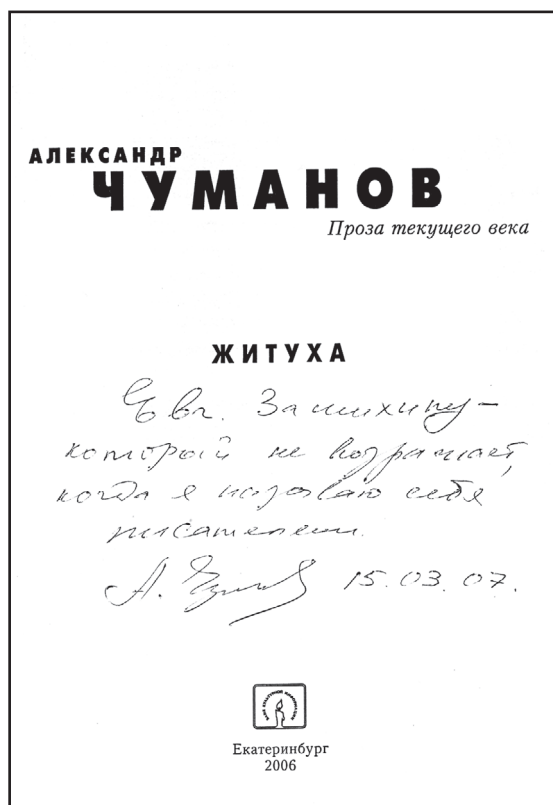
Много набирается книг, которые — эх, знать бы раньше, когда выменивал их на макулатуру! — попросту явно *избыточны* для современной домашней библиотеки (не беру в расчет те случаи, когда их разноцветные корешки — только лишь элемент интерьера). Среди последних можно сейчас вспомнить и многочисленные у любого, подсевшего на искус книгофильства, собрания сочинений. Не важно, академические они были или «огоньковские», все равно по-советски выхолощенные: ведь даже Максим Горький в те времена печатался без публицистики 1917—1918 годов — чего уж тут говорить, допустим, об «Окаянных днях» И. А. Бунина. Впрочем, о собраниях я опять же не скажу ничего — стыдно, что в свое время обездолил кого-то из сослуживцев «синим» многотомником Джона Голсуорси, который так ни разу (!) и не открыл...

Не проговорюсь также, какие в моем собрании есть раритеты. Поскольку к нынешнему моему возрасту количество книг, *зачитанных* друзьями-знакомыми, то есть попросту невозвращенных, набирается еще минимум на одно книжное собрание. Да и кому сейчас приспичит читать, скажем, такое экзотическое издание, как избранные речи Саддама Хусейна на русском языке? Мне их в свое время присылали из иракского посольства, поскольку на одной из международных книжных выставок-ярмарок я — по дороге в павильон Израиля — оставил свою визитку на стенде их соседей по алфавиту и Ближнему Востоку...

Борис Жутковский, известный своим противостоянием официальной идеологии (вспомним его столкновение с Н.С. Хрущевым на тему их разной интерпретации «Автопортрета»), тем не менее не ушел от Ленинианы, став художником книги Михаила Шатрова.

*Этот дарственный
инскрипт Саша Чуманов
сделал мне в тот день, когда
узнал, что его в очередной
раз обошла Губернаторская
премия по литературе.*

Только и отказаться написать я не мог — десятилетиями верного партнерства и надежного сотрудничества в «постоянных читателях» воспитывалась *обязательность*, понимаемая не столько как зависимость от расположения служителей библиотек, сколько как пиитет перед самим Храмом книги (вне зависимости от его масштабов): оттого-то я почти никогда — те, кто давно работает в Свердловске-Екатеринбурге на этом «участке» культуры, могут подтвердить — не отказываюсь от приглашений выступить в той или иной библиотеке на какой-либо конференции или встрече с читателями.

Цитата третья. Из Н. Гумилева.

**О, пожелтевшие листы
В стенах вечерних библиотек,
Когда раздумья так чисты,
А пыль пьянее, чем наркотик!**

Признаться, не единожды озвучивал эти строки, выступая по какому-либо поводу в Белинке. И всякий раз полагал, что это на меня каким-то ассоциативным образом влияет «географическое» соседство Евгения Ройзмана — то бишь фонда «Город против наркотиков».

Однако, призадумавшись, вспомнил, что тот благоговейный трепет, сопровождающий едва ли не всякое погружение в «глубины» библиотеки, случался со мной не только на улице Белинского. Да и не только *глубины* — сам *контекст* читального зала «заводит»: думаю, всякий вспомнит, как любопытство к чужому кругу чтения заставляло втихаря перелистать книгу, заказанную соседом или ждущую кого-то на раздаче...

Причем не так уж и важно, в какой ты находился «читалке» — лишь бы свет был достаточный, да книгу нужную долго не ждать.

В зале *обычной* — кстати, очень тогда богатой по книжному подбору — профсоюзной библиотеки Нижне-Тагильского металлургического комбината, где я в отрочестве впервые прочел «всего» Александра Дюма (сейчас у меня дома *собственные* «Три мушкетера» и «Двадцать лет спустя» свои, но что-то руки до них доходят — разве что лет десять назад, во время болезненного по случаю гриппа, пытался посредством их листания отвлечься от борьбы с насморком).

Или, скажем, в знаменитой Ленинке (бывшей библиотеке им. В. И. Ленина в бывшем СССР).

В последней наиболее продвинутые представители моего поколения норовили — чтобы уж всенепременно там! — писать кандидатские диссертации. Там меньше раздражали соседи. Всегда ведь найдется человек, ко-

торый непонятно зачем перелистывает подшивки того же «Крокодила», не столько читая их, сколько с шумом отодвигаемого стула то и дело бросаешь менять подшивки. Самая «фишка» была в том, что только-только ты привыкал к этому неизбежному шуму, как он принимался ржать, озадачивая окружающих — а вдруг там и впрямь что-то есть *такое*.

А в «Ленинке» сама близость исторического центра не то что Москвы — всей державы, так, помнится, интенсивно «влияла» на меня, что спускаясь в полуподвальную столовую и проходя какими-то лестничными маршами с видами на золотые купола Успенского собора в голубом небе над Кремлем, я даже напевал — про себя, естественно — фразу из романа: «Далекий благове-е-ест заутренне-его зво-она пее-ел в воздухе дрожа-ащий как стру-уна»...

Удивительно, но эти «околокнижные» детали почему-то запоминаются навсегда — в отличие от содержания книг, прочитанных там и тогда же.

Вот и помнишь какие-нибудь пресловутые *зеленые лампы* и аккуратные стеночки-стеллажики в изголовье стола, защищающие твое чтение от бренности мира (баррикаду из книг — от «окружающих» — обычно каждый возводит сам).

Берлинская Statsbibliothek, что на Unter dem Linden, запомнилась мне, к примеру, своими летними сквозняками. И тем еще, что, судя по каталогам открытого доступа, русская эмигрантская пресса выгорела в апреле-мае 1945-го очень избирательно: подшивка *сменовеховского* «Накануне» в отличие от более жесткого к большевикам «Руля» даже уцелела...

Когда-то, еще будучи молодыми преподавателями университета, мы вели с Леонидом Быковым (ныне — профессором УрГУ Л. П. Быковым) на страницах газеты «На смену!» рубрику «Круг чтения», где, старательно повторяя, что *чтение — счастливый труд души*, акцентировали внимание на слове *труд*. Однако сегодня я не стал бы так категорично «наметать». Чтение по принуждению (а какой труд на Руси не из-под палки?) ни к чему хорошему не приводит. Так что смысловое ударение следует делать все-таки на эпитете *счастливый* — тогда чтение становится и праздником, и ритуалом.

Вот почему, вспоминая самые разные книгохранища и форматы «доступа» (как много работалось в свое время в «спецхране», когда не было уверенности, что ты еще раз сможешь сюда попасть!), вспоминая богатство их, чаще всего несоизмеримое с твоими ограниченными читательскими возможностями, помнишь почему-то и этот великий пафос священнодействия.

Цитата четвертая. Из «Деревни» И. Бунина.

«Казиков прислали целую сотню... И третьего дня на Торговой улице один из них, пьяный, подошел к открытому окну общественной библиотеки и, расстегивая штаны, предложил барышне библиотекарьше купить “арифметику”».

Эти строки первого русского нобелевского лауреата по литературе, к сожалению, не перестают для нашего Отечества быть актуальными.

И не потому, что уважать сограждан наши правоохранительные органы (пусть сегодня и по-другому называемые) в основной своей массе не научились до сих пор. Ситуация, обозначенная классиком, весьма характерна для государства, где необходимое финансирование культуры ведется по так называемому *остаточному принципу*.

Власть предрежащим давно пора понять, что без полномасштабного приоритетного национального проекта «Развитие культуры» мы так и останемся совками, бомжами, прихвизаторами, новыми русскими, хамами, унтерменшами, манкуртами etc. И где-то даже русскими свиньями, как ни обидно подобное слышать о соотечественниках — и порою не только за пределами России.

А начинать надо с безусловной поддержки библиотек. Потому как любая библиотека общественная — для читателя в итоге всегда собственная. В смысле личного духовного читательского достоинства.

Евгений Зашихин

*Эта книга у меня есть еще
в одном варианте —
с дарственной надписью
Валентина Петровича
Лукьянина. Только слова
Майи Петровны звучат
теплее — пусть я, допускаю,
и не такой «красивый, как
Юра Казарин...»*

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА
ЕКАТЕРИНБУРГА

ВАЛЕНТИН ЛУКЬЯНИН
МАЙЯ НИКУЛИНА

СЕРГЕЙ НОВИКОВ
ТАМАРА ЛИТВИНЕНКО
ЮРИЙ ЛИТВИНЕНКО

БАНК КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ЕКАТЕРИНБУРГ
1995

